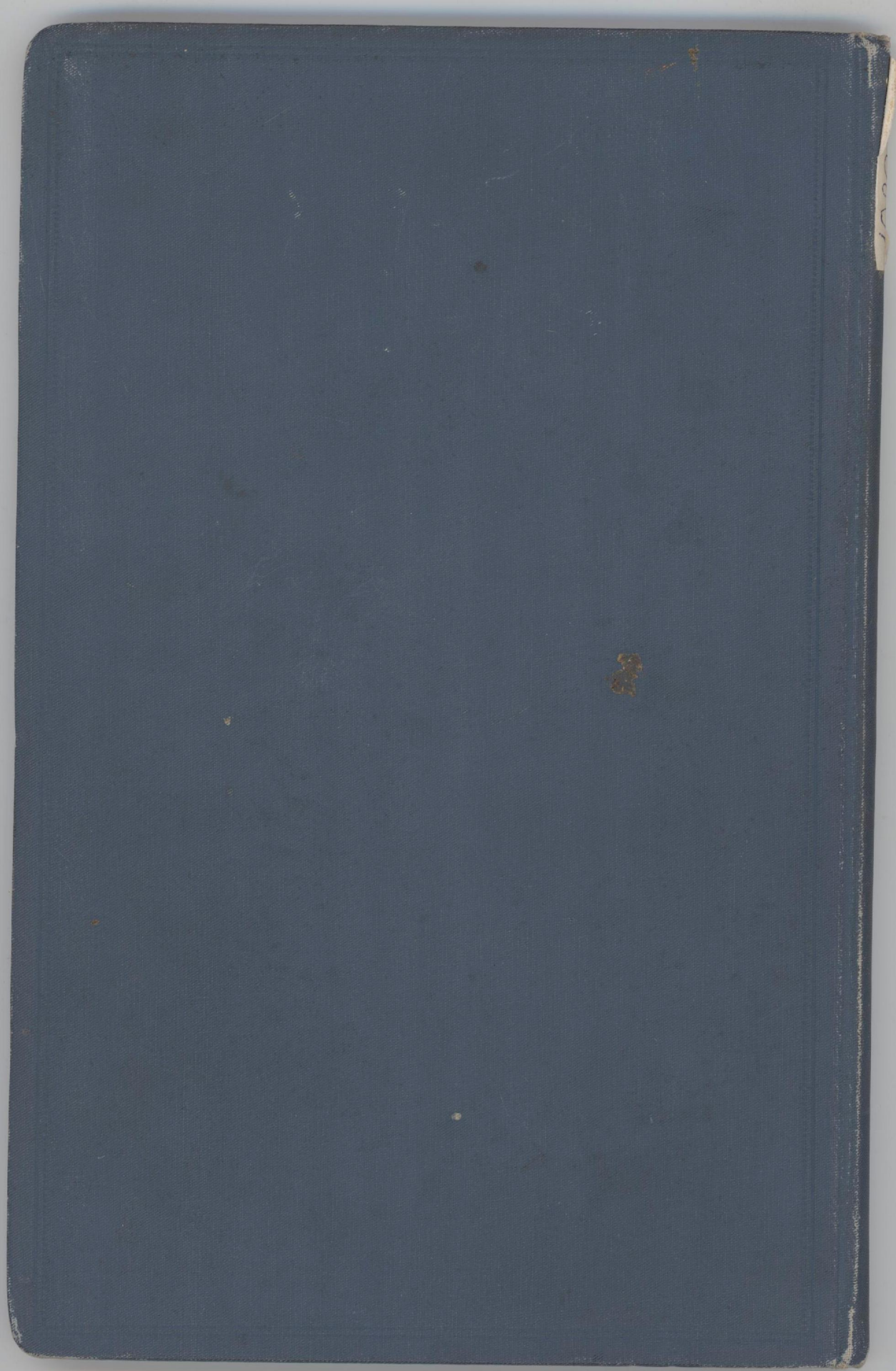

108908

ПОСЛЕДЯ ИЗЪ ЖИЗНИ

ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ

Х. АЛЧЕВСКОЙ

208908

3. VI.

767.

545

1912
2029 1/2

1934

З. р. 1.
7/17

ПОЛГОДА ИЗЪ ЖИЗНИ

ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

(Изъ записной тетради учительницы воскресной школы).

1912
2529 ^{a/x}
108908

Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ.

(Изъ журнала «Русская Школа» за 1895 годъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

52

Дозволено цензурою 8-го ноября 1895 года. С.-Петербургъ.

ПОЛГОДА ИЗЪ ЖИЗНИ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЫ.

(Изъ записной тетради учительницы воскресной школы *).

Въ послѣдніе годы, утомленная предыдущими десятками лѣтъ школьной работы и сосредоточивши свои силы на книгѣ «Что читать народу», я не имѣла самостоятельной группы ученицъ, какъ прежде, и не занималась обученіемъ ихъ грамотѣ. Впрочемъ, работы по школѣ и безъ того находилось не мало: утромъ я спѣшила къ молитвѣ, чтобы руководить школьнымъ хоромъ; затѣмъ дѣлала ученицамъ сообщенія по тому или иному поводу; къ 12 часамъ приглашала учительницъ въ общій залъ для совѣщаній относительно вопросовъ, долженствующихъ быть внесенными въ предстоящее собраніе; въ часъ замѣняла священника, когда онъ пропускалъ урокъ; отъ 2 до 3 часовъ выдавала книги и въ 4-мъ часу, мертвая отъ усталости, возвращалась домой и ложилась прямо въ постель. Все это было такъ до распространившагося слуха о томъ, будто всѣ воскресныя школы поступаютъ въ духовное вѣдомство и будто частныя лица лишаются, такимъ образомъ, права на участіе въ дѣлѣ народнаго образованія. Слухъ этотъ оказался вполнѣ невѣрнымъ; скажу болѣе: оказалось, что духовенство, къ которому перешло завѣдываніе вновь возникающими воскресными школами, встрѣчало частный начинъ съ большимъ привѣтомъ и сочувствіемъ. Но въ то время, когда слухъ этотъ дошелъ до меня, я почувствовала себя въ положеніи матери, у которой вотъ-вотъ отниметъ ея дѣтище какой-то охватившій его недугъ, и она дорожитъ каждымъ моментомъ, проведеннымъ у постели больного. Мнѣ вдругъ показались неполными эти 5 часовъ занятій въ школѣ, доводящіе меня до крайняго утомленія, и я рѣшила, во что-бы то ни стало, окунуться вновь въ общій строй школь-

*) Считаю своимъ долгомъ оговориться и сказать, что настоящій дневникъ совершенно не готовился для печати, и намъ стоило большихъ усилій убѣдить автора напечатать его, въ интересахъ школьнаго дѣла. Между тѣмъ, на нашъ взглядъ, подобный дневникъ, рисующій безъ утайки внутреннюю жизнь школы, несравненно интереснѣе отчета съ сухими цифровыми данными, имѣющими значеніе только для подведенія итоговъ статистики.

ныхъ занятій и взять самостоятельно группу. Заявивши объ этомъ завѣдующей распредѣленіемъ группъ, я очень плохо спала наканунѣ этого торжественнаго для меня воскресенья. Я задавалась вопросомъ, хватить-ли у меня силъ съ прежнимъ огнемъ и оживленіемъ вести урокъ; спрашивала себя, кто будутъ эти невѣдомыя мнѣ ученицы; силилась представить себѣ ихъ лица, возрастъ, способности, и проснулась утромъ въ такомъ нервномъ возбужденіи, какъ будто мнѣ предстояло выходить на сцену.

Я пришла въ школу раньше другихъ, раньше даже завѣдующей распредѣленіемъ группъ, и тщетно силилась угадать въ толпѣ незнакомыхъ мнѣ новыхъ лицъ назначенныхъ мнѣ судьбою питомицъ. Но вотъ въ залѣ разложенъ уже большой столъ, который я заготовила для себя, и у стола стоитъ группа дѣвушекъ и подростковъ съ лицами, выражающими какъ-бы недоумѣніе. Я воображала ихъ нѣсколько старше, возрастиѣе и говорю съ нѣкоторымъ разочарованіемъ завѣдующей распредѣленіемъ группъ: «Смотрите, эти двѣ совсѣмъ маленькія! Я не хочу ихъ брать къ себѣ, помѣстите ихъ въ группу малолѣтнихъ!»

— Однако, имъ по 15-му году!—отвѣчаетъ мнѣ она.

Подростки, очевидно, сконфужены и въ лицахъ ихъ выражается просьба. Мысли мои принимаютъ иной оборотъ: «почему непременно особенно дорожить взрослыми?—думаю я. — Эти долѣе проживутъ на свѣтѣ, больше сохранятъ наши завѣты и воспоминанія о прежнемъ симпатичномъ типѣ школы». То-же я думаю объ учительницахъ и приглашаю въ товарищи по группѣ совсѣмъ молодую, симпатичную дѣвушку. Изъ нея, на мой взглядъ, долженъ выработаться идеальный типъ учительницы, и для этого прежде всего, пожалуй, необходимо строгое и добросовѣстное отношеніе къ возложеннымъ на себя добровольно обязанностямъ.

— Хотите идти ко мнѣ въ товарищи,—говорю я весело, глядя въ ея молодое, полное жизненныхъ силъ лицо,—съ тѣмъ только условіемъ, чтобы оставаться въ школѣ, какъ и я, 5 часовъ сряду? Мы не будемъ дѣлить группы, не будемъ приходить другъ другу на смѣну, не будемъ выдѣлять въ особую группу отстающихъ, какъ это дѣлаютъ другія, а всѣ 4 часа будемъ заниматься сообща, чтобы, въ случаѣ болѣзни или отсутствія одной, другая знала въ совершенствѣ, что и какъ дѣлать ей съ ученицами.

Дѣвушка улыбается мнѣ навстрѣчу пріятливой улыбкой и изъясняетъ полное согласіе. И вотъ мы въ залѣ сидимъ въ двухъ противоположныхъ концахъ длиннаго стола, а по бокамъ его разсажены 10 ученицъ. Несмотря на то, что у меня заготовлены уже и доски, и грифель, и подвижная азбука, я не могу начать съ нихъ и чув-

ствую непреодолимое желаніе прежде всего ознакомиться съ разнообразнымъ составомъ моей нарождающейся аудиторіи. Я спрашиваю, впрочемъ, на это ея согласіе. «Ну, что-жъ, поговоримъ!» выражаетъ согласіе за себя и за другихъ сидящая у меня направо дѣвушка. Я начинаю разспрашивать ихъ о домашней обстановкѣ, — о томъ, сами-ли онѣ по своей волѣ пошли въ школу, или по совѣту родителей, подругъ? Но тутъ происходитъ маленькое недоразумѣніе. Выходитъ, что всѣхъ почти послали въ школу мамыши. Мнѣ это даже не нравится, хотя я силюсь утѣшить себя мыслью о сочувствіи родителей. Какъ вдругъ выясняется, что слова мои «по своей волѣ» были приняты въ смыслъ протеста противъ воли родительской, въ сущности-же каждая желала учиться самостоятельно, сказывала объ этомъ родителямъ, и тѣ не ставили ей препятствій, а матери даже совѣтовали. На вопросъ мой, начинали-ли онѣ учить когда-нибудь азбучку и слышали-ли, какъ другихъ учатъ, оказалось, что ни одна изъ ученицъ не знаетъ ни одной буквы и только К. случайно видѣла, какъ учатъ другихъ.

Я разговаривала съ ученицами, а А. Д. Г. записывала свѣдѣнія, получаемыя отъ нихъ. Такимъ образомъ, въ группѣ нашей оказалось 10 ученицъ, возрастомъ отъ 14 до 17 лѣтъ:

Абсурдность посѣщенія.

№	Имя и фамилія.	Лѣта.	Чѣмъ занимаются родители и ученица.	Декабрь.				Январь.		
				8	15	22	29	12	19	26
1	Томахова, Ольга.	17	Огородничествомъ и продажей овощей	1	1	1	1	н.	н.	—
2	Коровенко, Прасковья.	16	Родители торгуютъ скотомъ	1	1	1	1	1	1	—
3	Матвѣева, Анна.	16	Огородничествомъ и продажей овощей	1	1	н.	1	1	1	—
4	Васильева, Лукерья.	16	Отецъ—разносчикъ пряниковъ и конфетъ; онъ ведетъ дом. хозяйство	1	1	1	1	н.	1	—
5	Лунева, Дарья.	16	Помогаетъ отцу и матери въ шитьѣ	1	1	н.	1	н.	1	—
6	Чичукалова, Анна.	15	Родители ведутъ домашнее хозяйство	1	1	1	1	1	1	—
7	Уварова, Авдотья.	15	Родители — земледѣльцы, она — горничная	1	1	1	1	1	1	—
8	Томахова, Марфа.	16	Огородничествомъ и продажей овощей	1	1	1	1	1	1	—
9	Гречкина, Елена.	14	Мать торгуетъ фруктами	1	1	1	1	1	н.	—
10	Коржева, Анна.	14	Родители — земледѣльцы	1	1	1	1	1	1	—
11	Тѣстенко, Мавра.	28	Жена дворника	—	1	1	1	1	н.	—
12	Чудновская, Анастасія.	15	Горничная	—	1	1	н.	н.	1	—
13	Кривошеинова, Марія.	25	Горничная	—	—	1	1	1	1	—

Всѣ вышепоименованныя дѣвушки заявили съ видимымъ удовольствіемъ, что живутъ дома и помогаютъ родителямъ въ ихъ будничныхъ работахъ, и только одна Уварова, Авдотья, замѣтила не безъ отѣвика грусти: «А я въ людяхъ живу, въ горничныхъ у господъ Р., а родители мои въ Ахтырскомъ уѣздѣ находятся — хлѣборобы».

Что касается степени подготовки, то, какъ уже говорила я раньше, почва оказалась вполне дѣвственной: никто никогда не проходилъ ни одной буквы азбуки ни по какому методу, начиная съ азъ, буки, вѣди и кончая звуковымъ; почти никто не слышалъ, какъ учатся другіе, и только одна, Коржева, Анна, проговорила тихо, что она слышала, какъ учился братъ, и ей самой захотѣлось тогда учиться.

Воспользовавшись тѣмъ, что А. Д. Г. ушла за учебными пособиями, и не желая безъ нея вести дальнѣйшую бесѣду, я предложила ученицамъ выучить имена учительницъ. Имена, какъ нарочно, оказались довольно трудными, и, потерявъ терпѣніе и завидѣвши А. Д., я сказала, обращаясь къ своей аудиторіи: «Ну, бросимъ это, научимся, какъ ближе познакоимся!» — «Научимся, дастъ Богъ!» поддержала меня та дѣвушка, которая и раньше отвѣчала за всѣхъ. На вопросы, какой у насъ мѣсяцъ и число, ни одна изъ ученицъ не могла дать мнѣ отвѣта, никто изъ нихъ также не слышалъ громкаго чтенія, но молитву «Отче нашъ» всѣ знали отъ матерей и произносили даже довольно правильно. Обстоятельство это показалось мнѣ трогательнымъ, и я предложила имъ начать занятія совмѣстной молитвой. Когда мы встали всѣ и повернулись къ иконѣ, чувство благоговѣнія вдругъ охватило мою душу, и я отчетливо и съ выраженіемъ повторяла вмѣстѣ съ ними знакомую молитву, какъ-бы находя въ ней новый смыслъ и значеніе. Въ то время, какъ мы произносили «во избави насъ отъ лукаваго», въ смежной комнатѣ слышался звонокъ, и такимъ образомъ оконченъ былъ первый часъ безъ элементовъ и буквъ подвижной азбуки. Но я не считала его потеряннымъ и смотрѣла на него, какъ на необходимую прелюдію для группы людей, сходящихся работать въ одномъ и томъ-же дѣлѣ.

Когда ученицы мои собрались на второй часъ, я попросила ихъ снять теплые платки съ головы, освѣдомившись предварительно, причесаны-ли онѣ (я знала по опыту, что это не всегда бываетъ такъ), и объяснила, почему именно я требую этого; объяснила, что прошу ихъ и на будущее время являться въ школу съ чистыми руками и причесанными, какъ въ церковь; показала, какъ слѣдуетъ сидѣть при письмѣ, не наклоняясь близко къ доскѣ, какъ слѣдуетъ держать руку и грифель. Мы прошли въ этотъ часъ 4 элемента: 1, 2, 6, 2. Не запасшись заблаговременно большой доской, я писала эти элементы во всю длину грифельной доски, подымая ее передъ классомъ

и объясняя названіе элемента. Названія эти давались довольно туго моимъ ученицамъ и, чтобы ободрить ихъ, я объяснила, что всѣ эти знаки и названія понадобятся намъ потомъ, когда мы будемъ учиться азбукѣ, и что труды ихъ не пропадутъ напрасно.

На урокъ нашемъ присутствовали три постороннихъ лица: двѣ молодыхъ учительницы и какой-то совѣтъ знакомый мнѣ юноша съ свѣтлыми кудрями, упавшій точно съ потолка (никто не зналъ, кто онъ и кто привелъ его). Мнѣ казалось, что эти постороннія лица могутъ смущать ученицъ; кромѣ того, я вообще терпѣть не могу видѣть людей безъ дѣла, а потому каждому изъ нихъ я дала работу: юноша былъ приставленъ къ младшей изъ ученицъ слѣдить за тѣмъ, чтобы она не сгибала топорикомъ второго пальца; одна изъ барышень слѣдила за ученицей, особенно безобразно выводившей своими грубыми руками элементы на доскѣ, а другая припадала къ ученицѣ съ больнымъ пальцемъ, которой ужасно трудно давалось письмо. Такимъ образомъ, мы прошли еще 4 элемента: /, 2, 3, 0 и занялись повтореніемъ всѣхъ восьми, причемъ я спросила ученицъ, найдется-ли у нихъ время для домашнихъ работъ, и, получивши утвердительный отвѣтъ, просила А. Д., въ то время, какъ на 4-й часъ я буду заниматься чтеніемъ, за отсутствіемъ священника, написать для ученицъ на отдѣльныхъ листикахъ всѣ тѣ элементы, которые прошли мы, и дать имъ на домъ разбитыя старыя доски, которыя имѣются у насъ въ значительномъ количествѣ.

Когда прозвонитъ звонокъ, я объяснила ученицамъ, для чего именно нуженъ отдыхъ, хотя, быть можетъ, онѣ и не чувствуютъ утомленія, и говорила, что послѣ короткаго отдыха легче и лучше работается.

Во время прихода доктора я разспросила ихъ о состояніи здоровья и отправилась съ тремя изъ нихъ просить его совѣта. У одной изъ ученицъ оказалась золотушная рана за ухомъ, не представляющая, однако, опасности зараженія; у другой—подживающая уже болѣзнь «вѣлошь» на пальцѣ, а у третьей—начало жабы, почему, возвратясь въ классъ, я и посадила ее за отдѣльнымъ столомъ отъ другихъ ученицъ. Для всѣхъ трехъ дѣвушекъ оказалось возможнымъ приобрѣсти на собственныя средства лѣкарства, прописанныя докторомъ.

Быть можетъ, въ 4-й часъ для моихъ неграмотныхъ ученицъ было-бы полезнѣе разучить еще 4 элемента; но, во-1-хъ, я боялась, какъ-бы онѣ не перепутали ихъ съ непривычки и даже о восьми сочла необходимымъ сказать, чтобы онѣ не боялись идти въ школу, если забудутъ названія этихъ элементовъ, а во-2-хъ, мнѣ ужасно хотѣлось провѣрить лишній разъ, поймутъ-ли и эти неграмотныя дѣвушки громкое и выразительное чтеніе какой-либо несложной

сказки или рассказа. Съ этою цѣлью я остановилась на прекрасной и поэтической сказкѣ князя Одоевскаго «Морозъ», помѣщенной въ «Первой пчелкѣ» (изд. «Правда»), въ которой говорится о двухъ дѣвочкахъ—лѣнивицѣ и прилежницѣ, побывавшихъ въ гостяхъ у дѣдушки Мороза. Имѣя въ основаніи глубокую мысль и подсказывая читателю правильный выводъ, она проникнута вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ юморомъ, который смѣшитъ и ребенка, и взрослого человѣка и оставляетъ въ душѣ самое отрадное впечатлѣніе.

Кромѣ моихъ новыхъ ученицъ, передо мной сидѣла еще цѣлая аудиторія хорошо грамотныхъ дѣтей, подростковъ и взрослыхъ, и такъ какъ я исповѣдую принципъ держать себя просто и откровенно въ подобной аудиторіи, то я и объяснила нашимъ ученицамъ цѣль моего чтенія и просила ихъ извинить меня, если сказка покажется имъ недостаточно интересной. Всѣ дружно согласились, однако, на мое предложеніе, и чтеніе началось.

Я зорко слѣдила собственно только за лицами своихъ ученицъ, и мнѣ легко было слѣдить за ними, такъ какъ я усадила ихъ въ первомъ ряду. Лица эти съ большимъ вниманіемъ и напряженіемъ смотрѣли на меня; но усваиваютъ-ли они читаемое—мнѣ трудно было угадать. Какъ вдругъ дружный взрывъ смѣха нарушилъ тишину нашей аудиторіи; смѣхъ этотъ шелъ именно отъ этихъ моихъ ученицъ, расхохотавшихся надъ поступками лѣнивицы. «А, понимаютъ!» съ удовольствіемъ подумала я, и когда чтеніе окончилось, попросила ихъ пересказать сказку. Пересказъ еще болѣе подтвердилъ мою увѣренность. Остальныя ученицы внимательно слушали рассказницъ, заявили полное свое сочувствіе талантливой сказкѣ, сказали, что имъ было очень интересно прослушать ее, и вызвались пересказать съ болѣе большими подробностями. Но тутъ мы услышали звонокъ, и веселая толпа ученицъ другихъ классовъ съ шумомъ ворвалась въ залу.

Очутившись вдвоемъ съ А. Д. Г., я спросила ее вызывающимъ тономъ, довольна-ли она сегодняшнимъ утромъ нашими совмѣстными занятіями? Она отвѣтила утвердительно, но врядъ-ли требовался этотъ отвѣтъ: довольно было взглянуть ей въ глаза, чтобы понять его. Я сказала ей, между прочимъ, что пройдетъ 2—3 урока, и я попрошу ее какъ-нибудь дать вполне самостоятельно урокъ въ нашей группѣ, чтобы посмотрѣть, какъ занимается она, и отнестись критически, а еще въ болѣе далекомъ будущемъ, когда мы, дастъ Богъ, благополучно окончимъ алфавитъ, дать образцовый урокъ въ кружкѣ учительницъ звуковыхъ группъ.

Предположеніе это такъ сконфузило дѣвушку, что я не стала рисовать далѣе этой радужной для меня картины и ушла изъ школы подъ самыми свѣтлыми впечатлѣніями. Только тутъ, возвратясь до-

мой, я почувствовала все́ми своими нервами, какъ много пережила я сегодня за эти 5 часовъ, и, лежа въ постели, не въ силахъ была уже ни о чемъ думать, ни соображать.

Въ будущее воскресенье, если придетъ законоучитель, я думаю предложить моимъ взрослымъ ученицамъ послушать его. Думаю, что это доставить имъ нравственное удовлетвореніе, если только онъ поймуть его бесѣду, а сама послушаю въ это время преподаваніе въ звуковыхъ группахъ, ознакомлюсь съ веденіемъ ихъ и затѣмъ предложу себя въ докладчики кружкового собранія. Не знаю только, какимъ образомъ отзовется на мнѣ эта усиленная работа? Вопросъ этотъ возникъ у меня невольно по слѣдующему поводу: вчера, во время приѣма ученицъ, я увидѣла у двери пожилого простолюдина въ какой-то рыженькой залячей, скорѣе бабьей, чѣмъ мужской, шубкѣ. Онъ какъ-то весь ёжился, улыбался и, поглаживая свою рѣденькую бородку, заговорилъ вдругъ порывисто: «Христина Даниловна! или не узнали меня?.. Я-жъ на вашей ученицѣ женатъ... еще и на свадьбѣ у насъ были... помните? Младшую свою дѣвочку къ вамъ привелъ; старшихъ дѣтей сама жена учить, а этой, по правдѣ сказать, на ёлкѣ захотѣлось быть: отъ матери наслушалась... Ради Бога примите!.. Охъ, Господи, да какъ-же вы состарѣлись!—продолжалъ онъ, пристально вглядываясь въ меня,—еслибъ не въ этомъ зданіи встрѣтилъ, ей-Богу, не узналъ-бы!»

— А давно-ли вы видали меня?—спросила я его, силясь припомнить, когда именно происходила свадьба, о которой говоритъ онъ.

— Да вотъ ужъ скоро 20 лѣтъ! — отвѣчалъ онъ, соображая, и прибавилъ, вскинувъ на меня своими маленькими пронизательными глазами:—а сколько вамъ будетъ теперь лѣтъ, должно быть, 60?

Мнѣ ужасно понравился сгоряча этотъ вопросъ: интеллигентный человѣкъ никогда не скажетъ такъ прямо и откровенно правду въ глаза.

— Ошиблись, 50!—отвѣчала я ему весело.

— Ахъ, Господи, — захохалъ онъ опять, — я думалъ еще, что мало сказалъ... И какъ такъ состарѣться?! Ну, намъ другое дѣло: въ нуждѣ, въ бѣдности живемъ, а вамъ—чего-бы кажется?—И вдругъ, взглянувъ на меня еще пронизательнѣе своими запавшими глазами, онъ продолжалъ въ раздумьѣ: — А, впрочемъ, у васъ за чужихъ дѣтей хлопотъ много... разсудкомъ черезчуръ много работаете.—И онъ постукалъ пальцемъ по лбу своей плѣшивой головы.

— Не въ самомъ-ли дѣлѣ черезчуръ много?—подумала я, собираясь взять сегодня новую звуковую группу.—И не слѣдовало-ли бы экономизировать силы, чтобы прожить больше на свѣтѣ и не выглядѣть на 20 лѣтъ старше своихъ настоящихъ лѣтъ?

Принять дѣвочку оказалось невозможнымъ вслѣдствіе ея малолѣтства и за неимѣніемъ мѣстъ; но этотъ сморщенный человѣкъ, нѣжный отецъ и мужъ, вызвалъ во мнѣ столько сочувствія, что я рѣшительно не знала, что мнѣ дѣлать.

— Ахъ, ты, Боже мой!—говорилъ онъ, выслушивая мой отказъ и покачивая головой. — Что-же тутъ дѣлать?.. Слезъ-то, слезъ-то сколько будетъ дома!.. Не то, что эта (онъ указалъ пальцемъ на дѣвочку, которую держалъ за руку), а и сама мамаша въ слезы ударится,—ужь я ее знаю!

Дѣвочка, дѣйствительно, была близка къ тому, чтобы расплакаться. Чтобы утѣшить бѣдняковъ, я вынула розовый билетъ съ надписью «ѣлка» и, вопреки всѣмъ правиламъ на этотъ счетъ, подала его дѣвчкѣ. Фактъ этотъ умилелъ старика и онъ ушелъ, вполне удовлетворенный съ пріятной надеждой, что въ сентябрѣ будущаго года и его младшая дочь будетъ принята въ школу.

Когда я думаю о томъ, какую роль играетъ наша скромная ѣлка въ жизни этихъ бѣдныхъ дѣтей, мнѣ невыразимо больно думать о томъ, что нынче существуетъ вопросъ, не лишить-ли ихъ этого единственнаго маяющаго праздника, во имя голодающихъ? На вопросъ этотъ я отвѣчаю въ различные концы Россіи, являясь адвокатомъ дѣтей, и недавно чувствовала себя чрезвычайно счастливой, встрѣтивши сочувствіе на этотъ счетъ среди народа или, выражаясь точнѣе, среди наиболѣе развитыхъ представителей его. Вотъ какъ это случилось: 6-го декабря назначена была спѣвка, и хотя она могла обойтись, по настоящему, безъ меня, подъ руководствомъ М. П. Б., но я соскучилась по школѣ за эти двѣ недѣли отъѣзда, и потому пошла туда. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось побаловать дѣтей ради праздника и я запаслась тремя мѣшками съ орѣхами, пряниками и конфектами. Въ то время, какъ 70 человѣкъ пѣли звучными и сильными голосами пѣсни, я увидѣла поодаль двухъ маленькихъ дѣтей—мальчика и дѣвочку, которыхъ Катя С. привела на спѣвку ради развлечения. Дѣтки эти были такъ милы, скромны, сдержанны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ радовались этому незатѣйливому удовольствію, съ такимъ жаромъ и усердіемъ помогали мнѣ укладывать въ пакеты лакомства и раскладывать ихъ симметрично на окнѣ, что я не только подарила имъ по пакетику, а пригласила ихъ даже на ѣлку. Мнѣ хотѣлось этимъ и обласкать дѣтей, и оказать привѣтъ нашей старѣйшей изъ ученицъ—Катѣ С.

— Вотъ спасибо!—сказала она мнѣ, когда спѣвка окончилась,—а мы слышали, Христина Даниловна, будто насъ хотятъ лишить ѣлки изъ-за голодающихъ, и даже смѣялись надо мной, когда я противорѣчила... Господи! какъ подумаешь, что составляетъ для

этихъ дѣтей ѣлка... да хоть-бы и для насъ, большихъ... куда пойдѣмъ мы на праздникъ, гдѣ проведемъ время, гдѣ найдемъ себѣ такую хорошую компанію?..

Глаза ея наполнились слезами, и она не могла продолжать отъ волненія.

— Конечно, правда,—замѣтила другая взрослая дѣвушка, стоявшая возлѣ нея,—развѣ мы сами не знаемъ про голодающихъ? Кто захочетъ—послѣдній грошъ понесетъ, въ комъ душа есть... А праздникъ мы все-таки цѣнимъ.

— Конечно, не конфекты и не пряники нужны намъ,—продолжала третья,—а дорого собраться вмѣстѣ... А про голодающихъ развѣ мы не знаемъ—даже въ газетахъ читаемъ ежедневно.

Оглянувшись вокругъ, я поняла, что разговоръ со мною Кати С. не былъ простой случайностью и что вся эта группа взрослыхъ дѣвушекъ сговорила побесѣдовать со мною на этотъ счетъ. Мнѣ легко было отвѣчать имъ, такъ какъ я и сама раздѣляла всецѣло эти взгляды и убѣжденія. И мнѣ невольно припомнились при этомъ остроумныя и злыя слова одной изъ участницъ школы, сказанныя ею въ собраніи при обсужденіи даннаго вопроса: «почему-же мы сами веселимся и танцуемъ съ благотворительною цѣлью и въ то-же время предлагаемъ лишить этихъ бѣдныхъ дѣтей ихъ единственной праздничной радости?»

15 декабря 1891 г. (Второе воскресенье по образованіи группы).

Въ школу я пришла почти такъ-же рано, какъ и въ прошлое воскресенье, и вопросъ, *встѣ-ли* ученицы мои явятся на этотъ разъ, казался мнѣ чрезвычайно важнымъ. Къ счастью, всѣ онѣ были налицо и, кромѣ того, прибавилось еще двѣ довольно цѣнныхъ: одна изъ нихъ жена дворника, Мавра Т., женщина лѣтъ подлѣ 30, имѣющая 8-ми-лѣтняго сына и пожелавшая учиться, другая—Ч., Анастасія, присланная въ школу самой барыней, отъ которой наканунѣ я получила слѣдующую записку:

«Многоуважаемая

«Христина Даниловна!

«Прошу покорнѣйше разрѣшить моей горничной посѣщать вашу воскресную школу; она имѣетъ большое желаніе научиться грамотѣ, но очень плохо говоритъ по-русски. Недавно она поступила къ намъ изъ малороссійской деревни. Исполненіемъ просьбы много обяжете» и т. д.

Я отвѣчала барынѣ самымъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ разъяснила, что малороссійскій языкъ нисколько не помѣшаетъ учиться ей горничной и что письмо ея очень тронуло меня, такъ

какъ немногіе господа посылають своихъ горничныхъ учиться. Къ величайшему моему стыду, я также должна причислить себя къ лику этихъ господъ, такъ какъ неграмотная горничная Маша, служащая у насъ, не имѣетъ возможности ходить учиться, хотя и не по моей собственно винѣ. Часто у господъ бываютъ старые слуги, которые забирають ихъ, такъ сказать, въ руки; съ одной стороны, нельзя, конечно, не цѣнить этихъ старыхъ слугъ за ихъ продолжительную, утомительную работу, но съ другой—могущество ихъ бываетъ подчасъ пагубно и неотразимо: старые слуги не хотятъ пустить горничную Машу ходить въ школу, несмотря на все мое желаніе. Они объявляютъ ей войну, они не хотятъ работать за нее въ то время, какъ она будетъ въ школѣ. И сколько я ни пыталась устранить эти препятствія, никакъ не могла.

Я говорю все это, чтобы отгнать, сколько препятствій выпадаетъ даже на долю тѣхъ изъ слугъ, хозяева которыхъ не прочь были-бы послать ихъ учиться.

Жена дворника пришла, также заручившись билетикомъ отъ А. Н. Б., на которомъ онъ написалъ слѣдующее:

«Многоуважаемая

«Христина Даниловна!

«Жена моя рекомендуетъ вамъ новую ученицу, жену нашего дворника, о которой она вамъ уже говорила.

Уважающій васъ А. Б.»

Горничная-малороссіянка имѣла крайне сконфуженный видъ: щеки ея побагровѣли; казалось, съ нихъ только-что сняли два крѣпкихъ горчишника. Жена дворника сохраняла большее присутствіе духа, но къ каждой мелочи относилась съ какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ: прежде чѣмъ сѣсть на стулъ, который я указала ей, она трижды осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ; затѣмъ, получивши отъ меня доску и грифель, она внимательно осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ и повторила за мною нѣсколько разъ, какъ-бы для того, чтобы не забыть: «грихвель, грихвель»... Руки ея дрожали, какъ въ лихорадкѣ.—«Господи, даже руки трясутся!»—пожаловалась она на себя. Я силилась успокоить ее и водила ея собственной рукой по доскѣ, пока другія ученицы писали самостоятельно элементы. Въ этотъ первый часъ мы прошли элементы: точку съ волнистой, волнистую съ точкой, волнистую и петлю. Названія эти я беру изъ нашей программы, но къ нимъ оказалось необходимымъ добавить: точка съ волнистою *вверхъ*, точка съ волнистою *внизъ*, иначе для ученицъ не существуетъ различія между этими двумя элементами (замѣчаніе для исправленія нашей программы).

Домашнія работы ученицъ оказались исполненными превосходно:

ихъ разбитыя дощечки были покрыты старательно выведенными элементами; прошлый урокъ былъ усвоенъ какъ нельзя лучше, и хотя нѣкоторые изъ нихъ переименовали на свой ладъ мудренныя названія и говорили: «прямая, закругленная въ *горѣ*» (т.-е. вверху), но это доказывало только краснорѣчиво, что онѣ поняли, въ чемъ дѣло.

Второй часть я задалась цѣлью узнать, какъ считаютъ мои неграмотныя ученицы, причемъ оказалось, что одна младшая изъ нихъ, т.-е. 14-ти лѣтъ, умѣетъ считать всего до 15, остальные-же взялись считать кто до 100, кто до 200, но знанія ихъ являлись весьма жалкими; инныя изъ нихъ послѣ 80 вдругъ говорили 99 и, когда я возвращала ихъ къ предыдущему счету, просили у меня позволенія начинать сначала. Продѣлывать съ такими ученицами маленькія задачки и держать ихъ надъ изученіемъ чиселъ перваго десятка, рискуя, что онѣ уйдутъ изъ школы, не достигнувъ сотни, мнѣ показалось рискованнымъ. Вотъ почему, несмотря на то, что я придаю большое значеніе систематическому изученію перваго десятка по Евтушевскому и думаю, что такое изученіе играетъ не малую роль не только въ развитіи ума ребенка, но и взрослого человѣка, я все-таки остановилась на рѣшеніи научить ихъ считать на счетахъ и познакомиться съ нумераціей, какъ практическимъ подспорьемъ для чтенія чиселъ, страницъ, годовъ и т. д. Я раздала всѣмъ ученицамъ торговые счета и успѣла показать имъ копейки и гривенники. Дѣло шло весьма живо, пока не оказалось, что одна изъ младшихъ ученицъ, та самая, что умѣетъ считать только до 15, не усвоила должнымъ образомъ перехода копеекъ въ гривенники. И когда я остановилась исключительно на ней, я замѣтила справа ученицу, которая зѣвнула и перекрестила ротъ. Это маленькое обстоятельство точно булавкой кольнуло меня, но тутъ прозвонилъ звонокъ, и все кончилось благополучно.

На третій часть были показаны звуки *а* и *у*. Сліянiе далось весьма легко; писали также свободно, но только тѣ ученицы, которыя были подготовлены прохожденіемъ элементовъ въ прошлый разъ и домашними уроками; новымъ-же двумъ было довольно затруднительно писать, хотя онѣ и старались изо всѣхъ силъ.

Въ четвертый часть я предложила ученицамъ прослушать урокъ батюшки и сказала имъ, что не знаю навѣрное, понятенъ-ли будетъ для нихъ этотъ урокъ. Съ этою цѣлью я успѣлась поодаль во время преподаванія Закона Божія и рѣшила переспросить ученицъ по окончаніи урока. Я давно знаю о. П. Г.,—знаю еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ, интересный молодой человѣкъ-семинаристъ, участвовалъ въ малорусскомъ движеніи и пѣлъ со мною прекраснымъ баритономъ дуэты: «На бережку у ставка». Тогда у насъ были съ нимъ однѣ цѣли, за-

дачи и стремленія. Что сдѣлала изъ него жизнь за эти 30 лѣтъ—я не знала, но мнѣ все-таки казалось трогательнымъ, что мы, идя разными путями, сошлись опять у того-же честнаго дѣла—служенія народу. И вопросъ, какъ и что скажетъ онъ этому народу, являлся для меня крайне интереснымъ. Урокъ о. П. длился всего $\frac{1}{2}$ часа и представлялъ собою скорѣе проповѣдь, чѣмъ разсказъ изъ Священной Исторіи; но проповѣдь эта была такъ проста и понятна, что даже мои неграмотныя и незнающія счета ученицы, очевидно, понимали ее: столько благоговѣйнаго вниманія выражали ихъ лица. Онъ началъ съ того, что скоро приближается праздникъ Рождества Христова и что мы должны задуматься надъ тѣмъ, въ честь кого и чего празднуется онъ; разсказалъ о рожденіи Спасителя, появившагося на свѣтъ не въ богатыхъ хорамахъ, не на роскошныхъ кружевахъ и бархатахъ, а въ бѣдныхъ ясляхъ, въ неизвѣстности, на соломѣ. Поэтическое явленіе ангеловъ пастухамъ передано было имъ чрезвычайно картинно, и когда онъ напомнилъ имъ пѣснь, слышанную ими въ церкви—«Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ»—нѣкоторые изъ ученицъ благоговѣнно перекрестились. Затѣмъ онъ поставилъ вопросъ, зачѣмъ собственно І. Христосъ пришелъ на землю, чему училъ онъ, и разъяснилъ, что до прихода Спасителя люди ходили точно во тьмѣ и не считали себя братьями, что въ Богѣ видѣли только грознаго судью и не знали, что онъ милосердъ; что человекомъ считали только единовѣрца и не признавали, что всѣ люди—братья; думали, что Царствіе Божіе предназначается только для богатыхъ и знатныхъ, а не для бѣдныхъ и сирыхъ. Между тѣмъ самъ Господь явился на землю не въ образѣ богатаго и знатнаго человека а въ образѣ бѣднаго скитальца-учителя, учащаго всѣхъ и каждого добру безъ различія званія и состоянія. Онъ проповѣдывалъ добро не на словахъ, не въ пышныхъ выраженіяхъ и вѣшнихъ признакахъ, а говорилъ: «кто положитъ душу свою за други своя, тотъ спасенъ будетъ». И только тотъ, кто исполняетъ эту заповѣдь, имѣетъ право назваться истиннымъ послѣдователемъ Христа. И вотъ теперь, ожидая великаго праздника въ честь Христа, мы не должны ограничиться только тѣмъ, чтобы пойти въ церковь и поставить свѣчку—мы должны помириться съ тѣми, къ кому чувствуемъ злобу въ сердцѣ своемъ; мы должны осмотрѣться, нѣтъ-ли вокругъ насъ несчастныхъ, плачущихъ, страдающихъ; мы должны стремиться по мѣрѣ силъ облегчить эти слезы и страданія словомъ утѣшенія, словомъ братской любви, и тогда только мы будемъ чувствовать, что «Царствіе Божіе внутри насъ».

Въ залѣ чувствовалась необычайная тишина и только учительницы сосѣднихъ комнатъ нарушали ее, проходя безпрестанно изъ

одной комнаты въ другую и вызывая во мнѣ намѣреніе протестовать противъ такого рода порядка.

По уходѣ священника я предложила своимъ ученицамъ нѣсколько вопросовъ, которые должны были рѣшить, насколько поняли онѣ проповѣдь священника и будутъ-ли продолжать слушать его постоянно? Какъ ни робки и сбивчивы были эти отвѣты, я все-таки увидѣла, что рѣчь законоучителя усвоена ими и принесла имъ большое нравственное удовлетвореніе.

— Очень хорошо, очень даже желаемъ продолжать слушать! — говорила умильно старшая изъ ученицъ.

У насъ оставалось еще 20 мин. до звонка, и я прочла (изъ сборника «Первая Пчелка») «Озеро-слободка» Данилевскаго. Оказалось, что многія изъ грамотныхъ ученицъ читали уже раньше эту сказку и отнеслись къ ней сочувственно; мои-же неграмотныя поняли только до тѣхъ поръ, гдѣ говорится о женщинѣ, которая держала ребенка на рукахъ и вела разговоръ съ старикомъ, просившимъ ее дать ему напитокъ; съ момента-же наводненія все, очевидно, перепуталось въ ихъ собственной головѣ и ни одна не могла отвѣтить мнѣ на вопросъ, что случилось съ слободкою.

Я позабыла сказать, что Мавра Т. и Анастасія Ч. (новыя ученицы) начинали учить когда-то азбуку: одна—*а, б, в, г*, а другая—*азъ, буки, вѣди*, но дальше изученія буквъ не пошли, а потому я считала исполнѣ возможнымъ и правильнымъ вести ихъ наряду съ другими неграмотными ученицами.

Жена дворника, Мавра Т., уходила изъ школы съ сіяющимъ лицомъ и, обращаясь ко мнѣ, сказала весело: «А нельзя-ли мнѣ когда-нибудь въ праздничекъ придти къ вамъ вечеромъ, чтобы немножко подѣлаться, чтобы отъ нихъ не отстать?» кивнула она головой въ сторону прежнихъ ученицъ.

Я съ удовольствіемъ согласилась на это.

Молодыя учительницы опять помогали мнѣ, припадая къ доскамъ моихъ ученицъ и заботясь о выработкѣ у нихъ правильнаго почерка, что, конечно, въ значительной степени облегчало мои занятія.

Во время перерыва, желая раздать азбуки Г. моимъ коллегамъ по звуковому преподаванію, съ цѣлью подготовить ихъ къ обсужденію даннаго вопроса на кружковомъ собраніи, я обходила всѣ группы и подошла, между прочимъ, къ одной, возлѣ которой не было учительницы.

— А какъ фамилія вашей учительницы?—спросила я.

— Мы не знаемъ, — отвѣчали совсѣмъ взрослые дѣвушки, — она такая черненькая и веселая!

«Характеристика, быть можетъ, и вѣрна, — подумала я, — но все-таки не мѣшало-бы научить знать имя и фамилію учительницы».

Впрочемъ, дѣвушка эта, говорятъ, пришла только во второй разъ въ школу, а потому и не мудрено, что не знаетъ еще всѣхъ нашихъ порядковъ.

Я предполагала заниматься по азбукѣ Г., чтобы провѣрить ее, но это, кажется, не удастся мнѣ; такъ, напр., прежде всего азбука эта требуетъ изученія буквы о, которое въ сущности является неосновательнымъ, такъ какъ буква эта не входитъ въ слова цѣлой страницы и встрѣчается только на второй. Такого рода приѣмъ объясняется, вѣроятно, легкостью начертанія этой буквы, но это не резонъ, такъ какъ ученицы, прошедшія элементы, нисколько не затрудняются начертаніемъ буквы а. Но мнѣ все-таки хочется попытаться пройти алфавитъ по этому букварю, такъ какъ это *первая* азбука, предназначенная исключительно для взрослыхъ, и такъ какъ ее составила одна изъ выдающихся учительницъ московскихъ воскресныхъ школъ. Къ тому-же, что такое въ сущности букварь? Сила не въ букварѣ, а въ учительницѣ, которая преподаетъ по нему.

19-го декабря 1891 г.

Возвращаясь утромъ изъ лавки Кромскаго, гдѣ я покупала лакомства на школьную ѣлку, я встрѣтила молодую монахиню, лицо которой мнѣ бросилось въ глаза. Нельзя сказать, чтобы оно было очень красиво, но меня поразило его особенное, неземное, если можно такъ сказать, выраженіе: на этомъ блѣдномъ, интересномъ лицѣ какъ будто явственно лежала печать фанатизма, и ясные, восторженные глаза свѣтились блаженствомъ душевнаго удовлетворенія. Я даже пріостановилась на минуту, подойдя ближе къ этой интересной монахинѣ. Каково-же было мое удивленіе, когда, поровнявшись со мною и пристально взглянувши на меня, она произнесла радостно звучнымъ, пѣвучимъ голосомъ: «Христина Даниловна, какъ я рада .васъ встрѣтить! не узнали?.. С—ва!»

— Еще-бы узнать! вы такъ выросли и измѣнились!—отвѣчала я привѣтливо, взглядываясь въ знакомыя прежде черты лица.

Я очень торопилась домой, но поэтической образъ дѣвушки настолько притягивалъ къ себѣ мое вниманіе, что я спросила ее, куда она идетъ, и, получивши въ отвѣтъ: «въ монастырскую лавочку», вызвалась пройти вмѣстѣ съ нею до намѣченной цѣли.

— Что-же вы еще послушницей, или безповоротнo рѣшили уже остаться въ монастырѣ? — продолжала я, взглядываясь въ лицо дѣвушки и интересуясь знать, не промелькнетъ-ли на немъ выраженіе колебанія. Но колебанія не было и тѣни; напротивъ, выраженіе блаженства еще ярче легло на это молодое лицо, и она отвѣчала, улыбаясь восторженной улыбкой:

— Нѣтъ, я дала уже обѣтъ на вѣки, и такъ счастлива съ тѣхъ поръ! Прежде во мнѣ были еще сомнѣнія, достойна-ли я, а теперь тихая радость наполнила мнѣ душу и никогда ни одна суетная мысль не приходитъ мнѣ въ голову; не то, что въ мірѣ: тамъ такъ много лжи и неправды кругомъ, что, какъ ни смиряешь себя, ни уговариваешь, невольно согрѣшишь осужденіемъ брата своего. Когда я иногда невольно вспоминаю о мірѣ, только и радостнаго у меня было, что ваша школа и вы. Помните, я никогда не любила читать романы и просила всегда дать книжечку грустную и наставительную, или житія святыхъ, или какое-нибудь путешествіе; вы еще находили тогда, что я очень хорошо рассказываю, и мнѣ такъ нравилось пересказывать вамъ! Бывало, говоришь, говоришь, точно во второй разъ любимую книжку перечитываешь... Но нѣтъ, мнѣ кажется, на свѣтѣ лучшихъ книгъ, какъ псалтырь и четьи-минеи: читаю, читаю—не начинаюсь, и каждый разъ какъ-будто тебѣ новый смыслъ открывается... Пріѣзжайте когда-нибудь къ намъ въ монастырь, Христина Даниловна!—перебила она себя, перемигнувъ тонъ.—У насъ тамъ хорошо, какъ въ раю, особенно весною, когда деревья распускаются и птицы прилетаютъ. Иногда я сижу, сижу, задумаюсь—и мнѣ кажется, что я въ раю... Пожалуйста, пріѣзжайте!.. Матушка-игуменья у насъ очень добрая и очень любить меня, да и всѣ меня тамъ любятъ; если вы пріѣдете къ намъ, я скажу имъ, что это прежняя моя любимая начальница, они навѣрное съ большимъ привѣтомъ встрѣтятъ васъ. А кой-кто изъ нихъ такъ даже знаетъ васъ по моимъ рассказамъ! Какъ начнемъ мы вспоминать съ Сашей—помните, что въ группѣ вашей невѣстки была?—о мірѣ и обо всемъ мірскомъ,—сейчасъ-же непременно и о школѣ вспомнимъ. Охъ, да и любила-же я учиться, когда маленькой была!—заклчила она свою рѣчь.

«Экая сила погибла для міра!» думала я, слушая ея вдохновенную рѣчь, но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивала себя: что далъ-бы ей этотъ грѣшный міръ взамѣнъ теперешняго блаженнаго состоянія? Я вспомнила С. лѣтъ съ 10-ти—худенькой, блѣдной, нервной дѣвочкой съ подергиваніемъ глаза и правой руки. Она работала черезъ силу въ швейной и, оставаясь нѣсколько лѣтъ сряду безъ горячей пищи, извелась-бы, вѣроятно, въ конецъ при своемъ слабомъ здоровьѣ,—извелась, раздражилась, озлобилась и убила-бы въ себѣ все то прекрасное, чѣмъ одарила ее природа. А если-бы инстинкты ея направились въ другую сторону и она выросла и похорошѣла-бы, какъ теперь,—Богъ знаетъ, что дала-бы ей городская улица съ ея соблазнами и порочностью... Но все-таки мнѣ жаль было въ эту минуту силы, погибшей для нашего грѣшнаго міра, и я спросила ее не безъ отгѣнка

желчи: «что-же вы дѣлаете по цѣлымъ днямъ въ монастырѣ?» (мнѣ хотѣлось добавить: «все молитесь?», но я взглянула въ ея свѣтлые глаза и не посмѣла этого).

— Что мы дѣлаемъ? — переспросила она, задумавшись на минуту. — Дѣловъ у насъ не мало, сразу даже не перечесть: весною грядки копаемъ, по воду ходимъ, кто въ послушаніи еще — кельи прибираемъ, шьемъ золотомъ и шелками, цвѣты дѣлаемъ, для клироса пѣсни божественныя разучиваемъ... Вотъ мы съ Сашей solo поемъ, такъ подолгу приходится повторять, пока споемся».

Послѣднія слова С. договорила, подходя къ монастырской лавочкѣ, и когда дверь за нею закрылась, я еще нѣсколько минутъ простояла въ раздумьѣ на улицѣ, вспоминая обо всемъ томъ, что сказала мнѣ эта юная фанатичка съ вдохновеннымъ, блаженнымъ лицомъ.

22-го декабря 1891 г.

Мое блаженное состояніе отъ сознанія, что ученицы мои не пропускаютъ уроковъ, построенное на одномъ единственномъ прошломъ разѣ, было нарушено въ настоящее воскресенье, такъ какъ въ группѣ не доставало четырехъ. Напрасно я силилась объяснить себѣ, что у Дарьи Л. хуже разболѣлся палецъ, что горничная Авдотья У. навѣрное прибираетъ комнаты къ празднику, что Мавра Т., жена дворника, домохозяйка тоже, навѣрное занята приборкой, а обѣ Аннѣ М., конфетчицѣ, мнѣ сказали даже, что она пошла за получкой денегъ, такъ какъ по другимъ днямъ хозяева не выдаютъ. Мнѣ все нѣтъ-нѣтъ да и придетъ въ голову мое всегдашнее убѣжденіе, что, какъ ни плохи условія жизни нашего простонародья, тѣмъ не менѣе аккуратность посѣщенія въ значительной степени зависитъ отъ доброкачества самой учительницы и ея преподаванія и оттого, насколько предлагаемая духовная пища удовлетворяетъ запросы ученицъ. Печаль моя увеличилась еще и слѣдующимъ обстоятельствомъ: мнѣ сказали, что А. Д. Г. больна и нѣсколько времени не будетъ ходить въ школу. Но этого мало, прошелъ слухъ, будто она не желаетъ заниматься со мною, такъ какъ занятія эти лишены всякой самостоятельности и такъ какъ другія шутятъ надъ нею, что она ровно ничего не дѣлаетъ по цѣлымъ утрамъ. Когда я припоминала, какъ припадаетъ она ежеминутно то къ одной, то къ другой ученицѣ, какъ пишетъ въ 12 тетрадкахъ пройденные элементы и буквы и отдаетъ 5 часовъ времени школѣ, какъ весьма немногія изъ учительницъ, — послѣдній упрекъ мнѣ казался въ высшей степени несправедливымъ и даже жестокимъ. Что-же касается перваго, то въ немъ для меня оказались двѣ стороны: первая — возможна-ли и желательна-ли полная самостоятельность для дѣвушки, только что встав-

шей со школьной скамьи, и не полезѣе-ли для нея провести первое полугодіе подъ руководствомъ опытной учительницы, чтобы купить себѣ такую цѣною болѣе прочное и самостоятельное положеніе въ будущемъ? и вторая—искренняя симпатія къ этому стремленію, къ самостоятельности и желаніе увѣрить А. Д. Г., что съ моей стороны она не встрѣтитъ никакихъ претензій и посягательства на это честное стремленіе къ независимости. Но все-таки что-то внутри болѣло во мнѣ; вѣроятно, мнѣ было жаль себя при воспоминаніи, какъ искренно радовалась я еще такъ недавно этой симпатичной для меня комбинаціи. Тѣмъ не менѣе, къ концу утра всѣ мои маленькія тревоги улеглись: новая молодая учительница А. М. Л. съ такой готовностью и привѣтомъ предложила мнѣ свои услуги, что я сейчасъ-же измѣнила созрѣвшему у меня было горькому рѣшенію не приглашать больше никогда и никого въ товарищи.

108908 Мавра Т., жена дворника, вся раскраснѣвшаяся и съ каплями пота на лбу, влетѣла, какъ бомба, въ залу, гдѣ занимаюсь я, и, быстро подойдя къ столу неуклюжими, медвѣжьими шагами, заявила, запыхавшись и раскутывая огромный головной платокъ: «Только что съ желѣзной дороги... на дачѣ была съ господами... на цѣлую недѣлю завезли, чтобъ ихъ совсѣмъ!.. И такъ спѣшно собрались, что дощечку даже позабыла, просто плакать готова была!.. Небойсь, онѣ тутъ безъ меня, Богъ знаетъ, сколько написали!» — добавила она, заглядывая съ завистью въ доски своихъ сотоварищей. Я поспѣшила успокоить ее и объяснить, что мы успѣли повторить только прошлое, и подала ей доску и грифель; но руки бѣдной взволнованной великанши такъ дрожали, что она ничего не могла подѣлать съ ними и проговорила про себя: «вотъ проклятыя!»—точно будто это были не ея собственныя, а чужія руки.

Вслѣдъ за нею торопливо и сконфуженно вошла горничная Авдотья У., съ своими горчишниками на щекахъ и блуждающей, неувѣренной улыбкой. Оказалось, что она должна была проводить на вокзалъ барышню изъ пансіона и, сломя голову, прилетѣла оттуда въ школу. Еще нѣсколькими минутами позднѣе появилась моя побѣда и гордость, наша горничная Маша. Мнѣ удалось-таки уладить, чтобы она ходила въ школу черезъ воскресенье, съ тѣмъ условіемъ, чтобы старые слуги пользовались отпускомъ въ другія воскресенья. Вчера вечеромъ я удосужилась пройти съ ней элементы, затворившись въ классѣ, чтобы не возбуждать зависти и взявши предлогомъ приборку класса. Также я могу дѣлать и наканунѣ тѣхъ воскресеній, въ которыя она должна пропускать школу.

Когда Маша вошла въ залу, я почти не узнала ея: вмѣсто сумрачнаго, замкнутого лица безъ улыбки, какимъ я привыкла видѣть

его при домашней работѣ, это было милое, открытое улыбающееся лицо съ такимъ счастливымъ выраженіемъ, что какъ-то радостно и весело было глядѣть на него. Я боялась немножко, какъ-бы горничная не чувствовала нѣкотораго стѣсненія, усаживаясь рядомъ съ хозяйкой, у которой служить она; но все это уладилось прекрасно: вѣроятно, чистыя стремленія хозяйки дались знать сердцу ея служанки въ этомъ союзѣ равенства и братства.

Въ довершеніе всего пріятельница А. Д. Г., М. П. Б., съ такою горячностью говорила о томъ, какъ дорожить А. Д. комбинаціей со мною, какъ счастлива она этимъ, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ обыкновенно воскресенья, что у меня вдругъ отлегло отъ сердца и я почувствовала, что продолженіе нашего союза вполне возможно и въ будущемъ.

Въ первый часъ, какъ уже и сказала я, мы занимались повтореніемъ пройденнаго. Домашнія работы были выполнены превосходно.

Во второй часъ я показала ученицамъ слово *ya*, и мы упражнялись въ этихъ двухъ междометіяхъ на всѣ лады: складывали, писали, читали и, кажется, вполне достигли тайны сліянія звуковъ. Убивала меня только дворничиха произношеніемъ *аву* и *ува*, но мнѣ совѣстно было слишкомъ привязываться къ ней и, такъ сказать, конфузить ее передъ другими, а потому я рѣшилась оставить это исправленіе до будущаго раза.

Для меня было ясно, что ученицы мои могли-бы пройти еще въ это утро звукъ *М*, но азбука *Г*. не убѣдила меня, будто съ прохожденіемъ алфавита необходимо спѣшить на почтовыхъ. Я знала, что въ классѣ моемъ нѣтъ двухъ ученицъ и рѣшила подождать ихъ. Аннѣ М. взялась передать сегодняшній урокъ ея сосѣдка по улицѣ, и для этой передачи, конечно, достаточно одного *ya*, а Дарью Л. никто не знаетъ, и такимъ образомъ ей придется въ будущее воскресенье догонять классъ. По моему, важно не то обстоятельство, чтобы пройти алфавитъ въ 6 уроковъ, а то, чтобы пройти его толкомъ, основательно, а главное—не разрушить *класснаго* преподаванія, что желательно и полезно и для учительницы, и для ученицъ.

Третій часъ мы считали двойками, тройками, четверками и пятерками. Счисленіе это шло весьма туго, особенно у иныхъ. Для младшей изъ ученицъ, Анюты Коржевой, которую я въ шутку и ласково называю «Коржикомъ» (она нисколько не обижается на это), особенно туго дается счисленіе и она никакъ не можетъ двинуться далѣе своего заколдованнаго числа 15; остальные считали до 40. Копейки и гривенники, или единицы и десятки на счетахъ усвоили хорошо, но я не пошла дальше, чтобы намъ не разойтись преувеличенно съ устнымъ счисленіемъ.

Минутами ученицы селятся помочь другъ другу и объяснить то или другое обстоятельство какъ можно нагляднѣе. Кладетъ, напри- мѣръ, одна изъ нихъ неправильно букву *у*. «Затѣмъ-же ты ей ноги въ гору положила?» говоритъ сосѣдка укоризненнымъ тономъ.

Четвертый чась священника не было, такъ какъ въ этотъ день онъ ходилъ съ молитвой къ прихожанамъ, а потому я устроила, по обыкновенію, совмѣстное чтеніе различныхъ группъ, которыя слушаютъ Законъ Божій, съ присоединеніемъ моихъ ученицъ. Я читала по сборнику «Первая Пчелка». Извѣстная сказочка «Братъ и сестра», переданная Данилевскимъ тутъ въ стихахъ, оказалась въ высшей степени популярной: однѣ читали ее въ различныхъ сборникахъ, другія знали на память, третьи слышали въ устныхъ разсказахъ матерей и всѣ, безъ исключенія, поняли какъ нельзя лучше. Разсказъ «Столяръ», написанный кн. Одоевскимъ, представляетъ собою краткую біографію извѣстнаго архитектора Андрея Рубо, вышедшаго изъ народа. Біографія эта передана просто и живо, но если имѣть въ виду малограмотныхъ читателей, для которыхъ, по видимому, предназначаются изданія «Правды», то нужно признать неумѣстными такія слова, какъ: «академія художествъ», «перспектива», «парижская академія наукъ», которыхъ никто изъ нашихъ ученицъ не слыхивалъ никогда. Но что, безспорно, оказалось самымъ неудачнымъ въ нашемъ чтеніи, такъ это стихотвореніе Беранже «Урокъ». Намъ показалось это особенно непріятнымъ, когда мы дошли до словъ:

«Битый, правду говоритъ
«Молвь людей простыхъ,—
«Стоить двухъ, кто не былъ битъ»,

и когда ученицы наши всѣ поголовно заявили, что они вполнѣ солидарны съ этимъ положеніемъ и привели пословицу: «за битаго двухъ не битыхъ дають, да и то не берутъ». Конечно, я въ качествѣ учительницы сочла своимъ нравственнымъ долгомъ оказать извѣстнаго рода протестъ, но не берусь рѣшить, восторжествовалъ-ли въ данномъ случаѣ авторитетъ книги въ союзѣ съ пресловутой пословицей, или слова учительницы, произнесенныя отъ чистаго сердца; по крайней мѣрѣ, одна маленькая шустрая дѣвочка съ быстрыми глазами обратилась ко мнѣ и сказала задорно и по ребячески: «Э, нѣтъ, Христина Даниловна, не говорите этого: иногда на такого нападешь, что вичѣмъ не урезонишь его, ни словами, ни уговорами только палкой!» Слова дѣвочки очень сконфузили меня,—я не нашла даже, что мнѣ отвѣтить на нихъ, и почувствовала, что авторитетъ книги и пословицы въ союзѣ съ горькимъ жизненнымъ опытомъ этого ребенка восторжествовали надо мною.

Да, необычайно бойки, умны и находчивы бываютъ подчасъ эти дѣти престопаго, безъ воспитателей и гувернантокъ! Подходить ко мнѣ въ библиотекѣ маленькая голубоглазая дѣвочка и говорить, пристально глядя на меня: «я потеряла книжку!» Тонъ, какимъ заявляетъ эта дѣвочка, кажется мнѣ развязнымъ.

— Что-жъ, по нашимъ правиламъ, останешься 3 недѣли безъ книжки!—отвѣчаю я довольно сурово.

— Да ужъ вы мнѣ объ этомъ прошлое воскресенье еще говорили!—отвѣчаетъ резонно дѣвочка.—Только вотъ что я вамъ скажу: какъ-же мнѣ цѣлыхъ 3 недѣли книжки не брать,—вѣдь этакъ, чего добраго, я читать забуду. Лучше ужъ я вамъ 10 к. принесу! Тамъ на книжкѣ было напечатано: «Сиротка Маша. 10 к.»

Мнѣ ужасно совѣстно брать съ нея эти 10 к., хотя по нашимъ правиламъ это также практикуется, во избѣжаніе злоупотребленій. Вообще я чувствую себя сконфуженной, хотя и говорю снисходительно, не желая ронять свой авторитетъ: «ну, на первый разъ я тебѣ прощаю, только смотри—не теряй больше!»

Мучителенъ также вопросъ о выдачѣ книгъ родственникамъ и слѣдовало-бы выбрать, по настоящему, отдѣльную библиотечную комиссію, чтобы обсудить его. Съ одной стороны, не желательно, чтобы книга для взрослого попадала въ руки ребенка, или чтобы ребенокъ лгалъ, желая захватить книгою больше, а съ другой стороны такъ убѣдительно и трогательно эти законныя просьбы: «пожалуйте книжечку папенькѣ, маменькѣ, дяденькѣ, сестрѣ, брату»—и такъ невыразимо хотѣлось-бы удовлетворить ихъ. Возьмемъ, напр., такой случай:

Изъ дневника, 6-го октября 1891 г.

Мнѣ кажется, что нѣтъ другой учительницы въ школѣ, которая бы такъ часто и самовольно, какъ я, нарушала тѣ самыя постановленія, которыя сама же отстаивала въ собраніи съ такимъ азартомъ и настойчивостью; но дѣлается это какъ-то какъ будто неожиданно для меня самой. Я вовсе не желаю нарушать постановленій собранія; напротивъ, находясь въ исключительной роли официальной распорядительницы и превышая другихъ участницъ цѣлыми десятками лѣтъ, я стараюсь всѣми силами подчиняться общимъ правиламъ, чтобы не убить духа ассоціаціи, которымъ я такъ дорожу и который мнѣ такъ трудно поддержать по отношенію къ 16-лѣтнимъ учительницамъ, которыя дѣлаютъ мнѣ глубокіе реверансы.

Передо мною стояло 6—7 ученицъ, съ незнакомыми мнѣ дѣтскими личиками, которыя, очевидно, только-что поступили въ школу.

— Которое воскресенье въ школѣ? — спрашиваю я поспѣшно одну за другой.

— Я первое... я второе... я третье...—отвѣчали мнѣ напере-
рывъ дѣти, и въ голосѣ той, которая произносила «третье», слышался
какой-то особенный апломбъ, такъ какъ цифра эта даетъ право на
полученіе книгъ изъ библіотеки.

— Грамотныя?—спрашивала я опять вторую партію дѣтей съ
такими наивными, недоумѣвающими лицами, что не нужно быть про-
рокомъ для того, чтобы отгадать ихъ безграмотность.

— Начали азбучку!—отвѣчали они весело и одна за одной ухо-
дили изъ библіотеки, не получивши книгъ.

Но одна изъ нихъ осталась на мѣстѣ и, глядя на меня въ упоръ
своими умными и выразительными глазами, сказала мнѣ въ положи-
тельной формѣ: «а я хоть и неграмотная, а вы мнѣ дайте книжку!»

— Зачѣмъ?—спросила я, пристально взглянувъ на нее.

— Моя мама грамотная... она была здѣсь въ школѣ, —отвѣ-
чала дѣвочка съ какою-то особенной гордостью.—И мама говоритъ,
что полезно громко читать такимъ людямъ, которые еще сами гра-
мотѣ не научились, и что когда я выучусь сама читать, такъ лучше
буду книги понимать.

Я оглянулась, ушли-ли дѣвочки, которымъ, согласно школьнымъ
правиламъ, я не выдавала книжекъ, и не смотритъ-ли на меня кто-
либо изъ учительницъ. Но дѣти ушли, товарищи мои были всецѣло
погружены въ дѣло—и я безбоязненно подала неграмотной дѣвочкѣ
«Сказку о рыбацѣ и рыбкѣ».

29-го декабря 1891 г.

Задумавшись надъ неравноправностью въ нашихъ занятіяхъ съ
А. Д. Г., я придумала такую мѣру (которую рѣшила примѣнить по ея
выздоровленію и съ ея согласіемъ)—давать уроки по очереди, а именно:
одно воскресенье *она* будетъ въ первенствующей роли учительницы,
показывающей новый звукъ, въ другое воскресенье—*я*. Это вполнѣ
возможно, когда сліяніе звуковъ дастся ученицамъ, и одинъ урокъ
будетъ весьма похожъ на другой. Случаи наиболѣе трудные, какъ,
положимъ, *ъ* и *ь* въ серединѣ словъ, я буду выбирать на свою долю,
какъ болѣе опытная учительница. Эти пробные уроки могутъ ока-
заться весьма полезными для А. Д. Г., лишь-бы только она не сму-
щалась моимъ присутствіемъ; но, вѣроятно, мнѣ удастся увѣрить ее,
что въ лицѣ моемъ она встрѣтитъ не человѣка, глупо злорадствующаго
надъ промахами неопытнаго сотоварища, а самое искреннее же-
ланіе подѣлиться съ нею моимъ опытомъ.

Въ настоящее воскресенье, къ величайшему моему удовольствію,
все ученицы оказались налицо, за исключеніемъ горничной, посѣ-
щенія которой зависать, очевидно, не отъ нея самой. Желая намек-

нута объ этомъ въ учтивой формѣ ея барынѣ, я написала ей слѣдующее письмо:

«Многоуважаемая

«N. N.

«Прежде всего позвольте поздравить васъ съ наступающимъ Новымъ годомъ и отъ души пожелать вамъ всего хорошаго, а затѣмъ побезпокоить слѣдующимъ незначительнымъ обстоятельствомъ: ваша горничная Настя не была вчера въ школѣ и вслѣдствіе этого отстала въ томъ, что прошли ея сотоварищи, а потому, если она здорова, будьте такъ добры, потрудитесь прислать ее ко мнѣ или на Новый годъ, въ 12 ч. дня, или 2-го и 3-го января, тоже въ 12 ч. Я займусь съ нею дома тѣмъ, въ чемъ отстала она, такъ какъ она находится именно въ группѣ моихъ ученицъ.

Извиняясь за безпокойство, остаюсь искренно уважающая васъ X. A.»

Въ первый часъ мы занимались повтореніемъ пройденнаго, во второй — считали на счетахъ и, кромѣ копеекъ и гривенниковъ, коснулись рубля; въ третій показана была буква *М* и слова: *мама, ум, му*; четвертый часъ я очень мечтала пройтись по звуковымъ группамъ, имѣя въ виду кружковое собраніе и желая хоть сколько-нибудь ознакомиться съ тѣмъ, что именно происходитъ въ моихъ параллельныхъ группахъ. Но священника не было, хотя онъ и общалъ придти въ этотъ разъ непременно, и мнѣ волею-неволею пришлось занять и своихъ, и чужихъ ученицъ чтеніемъ.

Прочтены были: «Разсказъ Михаила Васильевича» и «Три пояса» (русская сказка). Первый разсказъ представляетъ собою извлеченіе изъ «Крестянской школы» Ростовской. Въ немъ описаны добрыя и гуманныя отношенія учителя къ ученикамъ, совмѣстныя прогулки, полезные разговоры; но все это уже какъ-то слишкомъ просто и незанимательно и прочтется, пожалуй, скорѣе съ интересомъ и пользою учителемъ, чѣмъ дѣтьми: по крайней мѣрѣ, моя аудиторія не встрѣтила тутъ для себя, очевидно, ничего занимательнаго, что выразилось въ невниманіи ея къ моему чтенію и въ безцеремонномъ перешептываніи между собой. Не то было со сказкою «Три пояса», не смотря на то, что она читалась позднѣе, слѣдовательно, степень вниманія должна была притупиться. Сестры — Пересвѣта, Мирослава и Людмила — всецѣло захватили вниманіе моей публики. Но въ ту минуту, какъ молодой князь Святославъ избралъ себѣ въ невѣсты Людмилу, какъ самую скромную и привлекательную дѣвушку, хотя и неблестящую красотой, какъ ея сестры, — прозвонилъ школьный звонокъ и оказалось, что сказка на половину не дочитана. Со всѣхъ сторонъ поднялся сдержанный ропотъ: «ну, что-жъ это такое?!.. на самомъ интересномъ мѣстѣ... хоть-бы дочитать въ другой комнатѣ!» и т. д.

Я успокоила свою публику тѣмъ, что дала слово въ слѣдующее воскресеніе непременно довести ее до конца.

Одно только не понравилось всѣмъ намъ въ этой сказкѣ — это стихотвореніе, находящееся на страницѣ 77-й, и въ особенности конца его рѣшительно никто не понялъ. Этого мало, выдавая «Первую Пчелку» на домъ и переспрашивая потомъ ученицъ, мнѣ не разъ приходилось слышать: «больше всего мнѣ понравилась сказка «Иванушка-дурачекъ», «Столяръ» и «Три пояса»; только стихи въ ней никакъ не могла понять». А одна изъ взрослыхъ дѣвушекъ говорила какъ-то: «три раза прочла—ничего не выходитъ».

Надняхъ ко мнѣ заходила дворничиха съ очевиднымъ намѣреніемъ позаняться со мною, но я собиралась въ театръ и—увы!—не могла удовлетворить ея желаніе. Съ тактомъ, столь свойственнымъ простонародью, она успокаивала меня и говорила, что забѣжала не столько учиться, сколько поблагодарить меня за ту ласку, съ которой я встрѣтила ее въ школѣ. «У меня съ дѣтства было желаніе грамотѣ учиться,—говорила она,—да точно-будто заколдовалъ кто—то одно помѣшаетъ, то другое. Да и то сказать — житье наше подневольное, хоть и не крѣпостные, слава Богу, а все-таки вродѣ крѣпостныхъ: не отъ себя, а отъ хозяевъ зависимъ. И вотъ, какъ слышала о вашей школѣ, будто взрослые въ ней учатся,—совсѣмъ мнѣ не стало покоя; посылаю мужа къ зятю вашему: пойди, да пойди... Наконецъ, слава тебѣ Господи, пошелъ и этотъ самый билетикъ отъ него добылъ, что я вамъ въ первый разъ подала... Подаю его вамъ, а на самой все тѣло такъ и трусится. Ей-Богу, кажется, еслибъ не ваша ласка, ушла-бъ изъ школы! Посмотрю на остальныхъ: молодья, почти-что въ дочери мнѣ годятся. И стыдно, и страшно, и кто знаетъ, куда-бъ дѣлася... Одна только ваша ласка какъ-будто меня на мѣстѣ держитъ. Ужъ видѣла я, видѣла обращеніе господъ съ прислугой, но этакого, ей-Богу, никогда не видала; какъ-будто и различія никакого не чувствуешь — барыня ты или служанка... Есть у меня мальчишка по 8-му году; слышитъ все, что я съ утра до вечера объ школѣ толкую, и тоже себѣ въ одну душу: «учи меня, тятка, грамотѣ да и только!» А я, какъ прислушалась теперь къ вашему занятію да къ тому, что вы объясняли намъ, и думаю: «ужъ лучше я его буду учить, какъ сама научусь, а то какъ-бы отецъ смысла не затемнилъ ребенку своими азъ, буки... вѣдь въ старину непонятливо учили, не то, что теперь. Онъ и мнѣ какъ начнетъ теперь показывать — совсѣмъ не то, что вы... ничего даже нѣтъ хорошаго!».

Изъ непріятныхъ впечатлѣній школы должна отмѣтить, что у Ольги Т., по осмотру докторомъ, оказалось рожистое воспаленіе лица,

почему она и была отправлена мною въ 12 ч. домой. Болѣзнь эта, по мнѣнію доктора, представляетъ опасность зараженія для другихъ, и потому онъ направилъ ее въ больницу.

Начертаніе буквы *М*, предлагаемое азбукой Г., дается ученицамъ съ огромнымъ трудомъ, между тѣмъ какъ буква *С*, предлагаемая «Наглядной азбукой», представляетъ собою полуоваль и пишется безъ всякихъ затрудненій.

Я очень радуюсь, придумавши такую мѣру для ученицы, пропустившей воскресенье: въ то время, какъ священникъ говоритъ свою проповѣдь, а А. Д. Г. можетъ пройти съ такой ученицей тѣ звуки, при прохожденіи которыхъ не присутствовала она прошлый разъ, и такимъ образомъ она усвоитъ ихъ настолько-же, какъ и остальные ученицы.

Воскресенье, 12-го января 1892 г.

5-го января въ школѣ занятій не было, такъ какъ всѣ мы, учительницы, убрали ёлку и готовились къ школьному празднику 6-го января. Никогда, кажется, устройство ёлки не занимало меня такъ, какъ въ этотъ разъ. Я получила изъ Москвы случайно не одну, а двѣ огромныя ели и достала у М. Д. Р. декораціи дна морскаго и весны. Мнѣ очень хотѣлось какъ-нибудь утилизировать все это, но выходили наглядныя несообразности: какимъ образомъ примирить съ жизненной правдой дно морское, двѣ ели, весну и зиму? На помощь мнѣ пришла мысль о сказочномъ мірѣ, гдѣ все возможно. Я вспомнила прекрасную, поэтическую сказку проф. Топелюса «Двѣ сосны», въ которой есть и Балтійское море, и снѣга Финляндіи, и двѣ огромныя сосны-великана, и поэтическая героиня Сильвія, при взглядѣ которой, куда-бы ни упалъ онъ, разцвѣтаютъ весенніе цвѣты.

И вотъ, задуманная сказка воплощается въ жизни, а я стою на возвышеніи и громко читаю ее пятистотенной толпѣ.

Не знаю, каковы были впечатлѣнія другихъ участницъ школы, но мнѣ лично казалось, что я побывала въ сказочномъ царствѣ и слышала гулъ въ ту минуту, когда сосны-великаны свалились на землю, и руки друзей засыпали ихъ цвѣтами. Мнѣ казалось, что въ одной изъ нихъ я вижу образъ женщины, которой исполнилось теперь 72 года и которая умираетъ въ эту минуту.

Когда я окончила сказку, одна изъ учительницъ подошла ко мнѣ и сказала взволнованнымъ голосомъ: «мнѣ очень трудно было удержаться отъ слезъ въ ту минуту, какъ вы читали о паденіи сосенъ—мнѣ припомнился образъ умирающей женщины»... И она назвала то самое имя, о которомъ думала я, читая сказку. Да, это была выдающаяся женщина, женщина свѣтлаго ума, непоколебимыхъ убѣжденій, отзывчиваго сердца! И хотя ея честное имя скромно прию-

тилось только на заглавномъ листѣ книги «Что читать народу», но она внесла много блага въ жизнь, котораго не вносятъ подчасъ популярныя имена въ литературѣ. Я знала ее десятки лѣтъ и ни минуты не видѣла ея поколебавшейся въ томъ, во что вѣрила она и что исповѣдывала. А вѣровала она и исповѣдывала она все честное, возвышенное, гуманное и въ 72 года имѣла полное нравственное право протянуть руку сочувствія дѣвушкамъ 18 лѣтъ, съ самыми свѣтлыми взглядами на жизнь. Всегда отзывчивая къ разнообразнымъ проявленіямъ и формамъ общественной дѣятельности, она вмѣстѣ съ тѣмъ оставалась идеальной матерью-воспитательницей и приготовила къ жизни общественныхъ дѣятелей въ лицѣ своихъ собственныхъ дѣтей. Своею честной, разумной и осмысленной жизнью она доказала близорукимъ людямъ, что отзывчивость къ общественнымъ интересамъ не мѣшаетъ женщинѣ быть идеальной матерью и свято выполнить свой первенствующій долгъ.

И вотъ, вчера, 12-го января, въ церкви Женъ Мироносицъ, смежной со школою, шла заупокойная литургія по этой выдающейся русской женщинѣ, о кончинѣ которой лишь было сказано нѣсколько скромныхъ словъ въ мѣстной газетѣ.

Мнѣ страстно хотѣлось пригласить на это погребеніе учительницъ и ученицъ воскресной школы, но я страшилась многолюдства и нарушенія благочинія у ея гроба. Вотъ почему, рѣшившись нарушить на этотъ разъ свои священныя для меня обязанности учительницы, я вошла одна въ церковь и молча стала у гроба. Къ немалому моему удивленію, въ церкви на бойкомъ мѣстѣ совсѣмъ не было праздно толпы: у гроба стояли знакомыя лица родныхъ и нѣсколько десятковъ друзей и почитателей покойницы ютились скромно въ разныхъ концахъ церкви. И вотъ, страстное желаніе видѣть у ея гроба колѣнопреклоненную школу, въ которой когда-то учила она, охватило снова меня съ такою силою, что я быстро выскочила изъ церкви, быстро взбѣжала на высокую школьную лѣстницу, собрала въ залъ въ 2—3 минуты учительницъ и ученицъ и держала къ нимъ такую рѣчь: «Господа!—сказала я, обращаясь къ учительницамъ,—на обязанности школы лежитъ не только учить грамотѣ, но и воспитывать. Жизнь и смерть такой женщины, какою была покойная М. А. Иванова, можетъ и должна служить такого рода цѣлямъ. Вотъ почему я предлагаю вамъ почтить ея память, отправившись вмѣстѣ съ ученицами въ церковь».

Заручившись согласіемъ учительницъ, я обратилась къ ученицамъ съ такими словами: «Слушайте, дѣти, что я скажу вамъ! Каждый день умираютъ люди, каждый день по улицамъ тянутся погребальныя процессіи, но ихъ идутъ провожать только родные и друзья,

Почему-же я зову теперь всѣхъ васъ—и ученицъ, и учительницъ—почтить память М. А. Ивановой и присутствовать на ея похоронахъ? А потому, что есть люди, живущіе не только для себя, для своего собственнаго счастья, но и для счастья другихъ людей. Всю свою жизнь они дѣлаютъ только доброе и стараются, какъ-бы другимъ людямъ было лучше. Такимъ именно человѣкомъ была покойная М. А. Иванова; она учила своихъ и чужихъ дѣтей, занималась у насъ въ школѣ и постоянно вносила добро въ жизнь. Чѣмъ-же мы можемъ теперь выразить ей свою признательность и сочувствіе?»

— Пойти въ церковь... Помолиться за ея душу... Стоять тихо...— послышались въ разныхъ направленіяхъ молодые голоса.

На послѣднее предложеніе я обратила особенное вниманіе и сказала, что малѣйшее слово или восклицаніе во время службы, малѣйшій шорохъ даже, я почти не только за нарушеніе почтенія къ праху покойной, но и за личное оскорбленіе мнѣ собственно, такъ какъ я глубоко чтала ее.

И дѣйствительно, тишина въ церкви была поразительная, точно заколдовалъ кто эту двухсотенную толпу, благоговѣнно упавшую на колѣна со свѣчами въ рукахъ.

Мы возвратились изъ церкви только въ 12 часовъ.

Отецъ П., хоронившій покойницу, заявилъ мнѣ, что очень утомленъ и не придетъ въ школу, такъ что для занятій оставался въ сущности только одинъ часъ. Завѣдующая распредѣленіемъ группъ предложила мнѣ трехъ новыхъ ученицъ, научившихся читать самоучкой и совсѣмъ не умѣющихъ писать. Такого рода комбинацію съ звуковиками, начинающими только алфавитъ, я нахожу возможною, а потому съ величайшимъ удовольствіемъ приняла въ свою группу трехъ взрослыхъ симпатичныхъ дѣвушекъ, желающихъ научиться писать.

		Январь.			Февраль.			
		12	19	26	3	10	17	24
1	Долгина, Варвара, 17 лѣтъ, крестьянка, модистка, отецъ плотникъ, матери нѣтъ	б.						
2	Тимофеева, Марія, 20 лѣтъ, мѣщанка, занимается домашн. хозяйствомъ, мать ея больная женщина, отецъ безъ занятій, получаетъ пенсію.	б.						
3	Босенкова, Елена, 18 лѣтъ, крестьянка, занимается домашнимъ хозяйствомъ, матери нѣтъ, отецъ рѣзчикъ.	б.						

Мнѣ очень хотѣлось сказать этимъ милымъ дѣвушкамъ что-либо пріятное и я распространилась о томъ, что симпатизирую самоучкамъ, такъ какъ и сама самоучка. Я рассказала имъ, какъ была

бѣдна моя семья во времена моего дѣтства, какъ родители мои пригласили учить братьевъ какого-то семинариста за 5 р. въ мѣсяцъ и находили, что учиться нужно только мальчикамъ, а не дѣвочкамъ, какъ я подслушивала у дверей уроки братьевъ и какъ научилась читать раньше, чѣмъ они.

Дѣвушки слушали меня съ очевиднымъ интересомъ, и когда я спросила ихъ затѣмъ, желаютъ-ли онѣ, чтобы я передала ихъ другой учительницѣ, съ которой онѣ скорѣе могутъ пройти алфавитъ, чѣмъ со мною, онѣ заявили желаніе учиться у меня, чѣмъ я осталась очень довольна.

Въ единственный часъ нашихъ занятій я повторила съ прежними ученицами всѣ пройденные звуки, начертаніе которыхъ для вновь пришедшихъ не представило особыхъ затрудненій, за исключеніемъ буквы м, которая не давалась ни старымъ, ни новымъ. Вотъ почему на 4-й часъ, вмѣсто того, чтобы продолжать чтеніе сказки «Три пояса», я перевела ихъ въ отдѣльную комнату и поручила двумъ молодымъ учительницамъ съ новыми повторить еще разъ пройденные звуки, а со старыми—достигнуть правильнаго начертанія буквы М. Кромѣ того, я просила А. М. Л. выдать вновь пришедшимъ ученицамъ старые доски и грифеля, а также тетрадки со словами, которыя уже прошли онѣ.

Со старшими группами я дочитала сказку Жуковского «Три пояса», которая была прослушана съ неослабѣвающимъ интересомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы начали читать ее, прошло 2 недѣли, но ученицы помнили содержаніе такъ ясно и послѣдовательно, какъ будто это было вчера. Въ составѣ слушательницъ оказалось нѣсколько новыхъ лицъ; вотъ почему я предложила слѣдующій вопросъ: не начать-ли намъ чтенія сначала? Голоса раздѣлились; тогда я объяснила значеніе баллотировки; сказала, какъ часто мнѣ, несмотря на мои преклонные уже годы, приходится подчиняться въ нашихъ собраніяхъ рѣшенію большинства голосовъ и предложила встать тѣмъ, которыя не прочь начать сказку сначала. Всѣ улыбающіяся и веселыя поднялись съ своихъ мѣстъ, за исключеніемъ одной маленькой дѣвочки съ большими сѣрыми, серьезными глазами, которые смотрѣли на меня въ упоръ какъ-то не по дѣтски и какъ будто говорили мнѣ: «а я все-таки не покорюсь большинству!»

Это называется «остаться при отдѣльномъ мнѣніи», сказала я шутливо, обращаясь къ самостоятельной дѣвочкѣ. Она какъ будто обидѣлась, надула губки, вытащила изъ платочка книжечку, выданную изъ библіотеки, и впиалась въ нее своими умными глазами, какъ-бы на зло мнѣ. Я сдѣлала видъ, будто не замѣчаю этого, и начала читать. Крошка упрямо продолжала смотрѣть въ свою книжку; но когда подошло продолженіе, она тотчасъ замѣтила его, такъ какъ

слѣдила, очевидно, за тѣмъ, что читаю я. Мнѣ ужасно понравилась эта стойкость характера, которой не обладаю я сама и которая такъ нравится мнѣ въ другихъ, даже въ этомъ миломъ упрямомъ ребенкѣ.

Въ школѣ въ настоящее воскресенье было относительно мало ученицъ; очевидно, морозъ въ 27° послужилъ тому причиной. Въ моей группѣ не было Ч., Л., Ольги Т. и Ч. Относительно первыхъ трехъ я могла утѣшаться морозомъ, но съ Анастасей Ч. произошла цѣлая исторія. Правда, барыня отпустила ее учиться ко мнѣ на домъ, но когда во время ѣлки я замѣтила ея отсутствіе и послала за нею дворничиху, то ей отвѣчали, что Настя рассчитана, какъ и за что—неизвѣстно. Въ настоящее воскресенье я тщетно поджидала ее въ школѣ отъ 12 до 2 час. и Богъ знаетъ, что дала-бы, чтобы знать, гдѣ находитесь теперь эта бѣдная, робкая дѣвушка, пострадавшая, быть можетъ, изъ-за школы.

17 января 1892 г.

У меня есть одна очень нехорошая черта, а именно—черта самоуслажденія. Отдавшись съ увлеченіемъ занятіямъ съ своей группой и записывая въ дневникъ всѣ свои впечатлѣнія, я ни разу не задалась вопросомъ, съ достаточной-ли быстротой подвигается моя группа впередъ, и, успокоившись на протестъ противъ чрезмѣрной поспѣшности азбуки Г., я была очень довольна тѣмъ основательнымъ изученіемъ алфавита, который практиковался мною. Какъ вдругъ трезвый голосъ одной изъ опытныхъ учительницъ нашей школы, Н. Н. Г., сказалъ мнѣ прямо и откровенно: «вы ужасно медленно проходите алфавитъ; это ни на что не похоже!» Тутъ только, съ свойственной мнѣ *хорошою* чертою — выслушивать замѣчанія и принимать ихъ къ свѣдѣнію, я задалась вопросомъ, права-ли она, и почувствовала, что впала въ крайность: припомнила, что временемъ въ воскресной школѣ, дѣйствительно, необходимо дорожить, и рѣшила высчитать основательно, сколько именно воскресеній остается у насъ до каникулъ и какимъ образомъ долженъ уложиться въ нихъ матеріалъ, заключающійся въ азбукѣ Г. Вотъ этотъ расчетъ: считая до 17 мая, мы имѣемъ слѣдующіе учебные дни:

19-е января	22-е марта
26-е »	29-е »
2-е февраля	12-е апрѣля
9-е »	19-е »
23-е »	26-е »
1-е марта	3-е мая
8-е »	10-е »
15-е »	17-е »

Итого 16 воскресеній.

Въ виду такого расчета является необходимымъ проходить не менѣе двухъ звуковъ въ каждое воскресенье, между тѣмъ какъ я въ 5 учебныхъ дней прошла всего 3 звука, если, впрочемъ, мы не будемъ имѣть въ виду прохожденія элементовъ. Кромѣ того, я позволяла себѣ заниматься, какъ Богъ на душу положитъ, не обдумывая заблаговременно плана занятій. «Неужели мнѣ, опытной учительницѣ, нужно еще готовиться къ уроку?» думала я самонадѣянно, а между тѣмъ оказалось, что необходимо. И вотъ, смиривъ свою самонадѣянность, я заготовляю на слѣдующее воскресенье такой планъ:

1-й часъ. Повторить пройденные звуки: *а, у, м*; складывать изъ буквъ, читать и писать всѣ слова, начиная отъ *ау* и кончая словомъ *ум*. Просмотрѣть домашнія работы ученицъ.

2-й часъ. Показать звукъ *и*; заставить приискать слова, начинающіяся на этотъ звукъ: *Иванъ, икона, иконостасъ, Ирина, Илья, искра, ива, ила, иней*; читать, писать и складывать слова: *им, Мими*. Последняго слова нѣтъ въ азбукѣ Г., и это очень жаль, такъ какъ на буквы *и* и *м* не имѣется больше словъ.

3-й часъ. Арифметика.

4-й часъ. Допустить къ слушанію Закона Божія и чтенія тѣхъ ученицъ, которыя не пропустили занятій въ прошлое воскресенье; съ пропустившими-же заниматься весь послѣдній часъ повтореніемъ пройденнаго.

19-го января 1892 г.

Урокъ священника далъ мнѣ возможность побывать въ трехъ звуковыхъ группахъ и послушать преподаваніе. Далѣе я хотѣла отправиться въ 4-ую, но священникъ окончилъ свои занятія; оставалось 25 минутъ до звонка, и я должна была прочитать что-нибудь смѣшаннымъ группамъ ученицъ. На очереди у меня стояла сказка Андерсена «Иванушка-дурачекъ», главными героями которой являются старшій сынъ, который зналъ наизусть весь латинскій словарь, да еще за цѣлые три года городскія газеты, второй, изучившій законы и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣющій вышивать различными узорами, и, наконецъ, третій—смѣлый, остроумный, ни передъ чѣмъ не останавливающійся Иванушка-дурачекъ. Сказка эта является скорѣе сатирою надъ педантами учеными и законовѣдами, но въ ней такъ много истиннаго юмора, что наши дѣти, подростки и взрослые хохотали до слезъ. А тотъ, кто любитъ дѣтскую радость вообще, кому нравится этотъ непринужденный, беззаботный смѣхъ, который такъ рѣдко вызываютъ рассказы и сказки послѣдней формаціи, тотъ искренно оцѣнитъ, по заслугамъ, «Иванушку-дурачка» Андерсена и

скажетъ «спасибо» составителямъ, помѣстившимъ ее въ сборникъ «Первая Пчелка».

Сказка эта развеселила не только дѣтей и подростковъ, но и меня, стараго человѣка, точно будто эхо отъ дѣтской радости проникло мнѣ въ душу и заставило откликнуться такимъ-же смѣхомъ, между тѣмъ какъ за полчаса до этого я была искренно опечалена вотъ по какому случаю.

Нельзя не согласиться, что критика дѣлаетъ свое хорошее дѣло; но если вы отдали дѣлу все свои силы и способности, если вы вложили въ него частичку своей души, если вы по дѣтски радуетесь и вѣрите, что оно идетъ у васъ хорошо,—критика, выражающаяся въ словахъ «не такъ», «плохо», какъ-то обезкураживаетъ васъ и отнимаетъ, по крайней мѣрѣ, половину прежней энергіи.

«Это ужасно,—говорила мнѣ Н. Н. Г., просидѣвши у меня второй часъ,—возможно-ли двигаться такъ медленно? Я увѣрена, что ваши ученицы должны пропасть со скуки, особенно наиболѣе способныя изъ нихъ. И почему вы не выдѣлите тупицъ, съ какой стати онѣ задерживаютъ даровитыхъ? Кромѣ того, я замѣтила, что двѣ изъ дѣвушекъ держатъ неправильно доски и передъ всѣми рѣшительно тетради лежатъ неправильно — не наискось, а прямо».

Я робко и сбивчиво, съ видомъ пойманнаго школьника, оправдывалась передъ нею; говорила, что относительно правильнаго держанія рукъ заботилась съ перваго урока, что положенія тетрадей какъ-то сегодня не замѣтила, что подвигаться быстро не могу, такъ какъ нахожу, что предыдущее не вполне усвоено, что раздроблять группу мнѣ не хотѣлось-бы. Все это говорила я, но не сказала самаго главнаго, что болѣло во мнѣ и было во мнѣ особенно мучительно,—это обвиненіе въ скукѣ, которой всегда такъ боюсь я. Мнѣ казалось до сихъ поръ, что въ уроки свои я вкладываю такъ много жизни и одушевленія, что не можетъ быть даже и рѣчи о скукѣ, и вдругъ посторонній опытный наблюдатель констатируетъ данный фактъ.

Болѣло во мнѣ также предложеніе выдѣлить изъ группы неспособныхъ: во-1-хъ, способности къ усвоенію преподаванія обнаруживаются иногда не съ первыхъ разовъ, а позднѣе, и кажущаяся тупость обуславливается новизною впечатлѣній, робостью, недостаточной увѣренностью въ своихъ силахъ и т. д.; во-2-хъ, для отстающихъ ученицъ я придумала мѣру—повтореніе на послѣднихъ часахъ, и, въ-3-хъ, наконецъ (что для меня, пожалуй, самое главное), я привязалась къ своимъ ученицамъ и никакъ не могу себѣ представить, какимъ образомъ эта туповатая Лукерья В., не пропустившая ни одного разу и приходящая въ школу аккуратно, Богъ вѣсть изъ какого далека, не будетъ больше моею ученицею. Гдѣ-бы ни собралась толпа

ученицъ, я постоянно вижу издали это добродушное, улыбающееся мнѣ лицо, постоянно чувствую на себѣ ласкающій взглядъ ея маленькихъ сѣренскихъ глазъ—и опять не могу себѣ представить, какъ я прогону ее отъ себя и какъ эти маленькіе сѣренскіе глаза будутъ смотрѣть на меня, пожалуй, съ укоромъ.

Всѣ эти соображенія болѣзненно были во мнѣ, когда прозвонилъ звонокъ и начался третій часъ. Я почти не могла заниматься и готова была расплакаться, но бодрый и веселый видъ моихъ ученицъ возвратилъ мнѣ новыя силы и, съ свойственной мнѣ откровенностью, я рассказала имъ обо всемъ, что печалитъ меня и о чемъ только-что говорила мнѣ Н. Н. Г., съ глаза-на-глазъ, не желая ронять передъ ними моего авторитета. Бесѣда моя съ ученицами принесла мнѣ еще больше успокоенія: не только слова, но и глаза, и лица говорили мнѣ съ удивительною убѣдительною, что никто изъ нихъ не испыталъ скуки за эти 5 воскресеній и никто не желаетъ оставлять позади слабѣйшихъ изъ своихъ сотоварищей.

Во время занятій третьяго часа я сдѣлала, между прочимъ, такое наблюденіе: въ то время, какъ малолѣтнія ученицы весьма охотно, весело и развязно подходятъ къ классной доскѣ и беззабѣчиво выказываютъ на ней свои знанія, взрослыхъ это крайне конфузить. И ученица, выводящая вполне правильно слово на своей маленькой грифельной доскѣ, выходя къ большой, совершенно теряется, точно будто она вышла на сцену.

Изъ моихъ 16-ти ученицъ на этотъ разъ не было трехъ: относительно Елены Г. мнѣ сообщили, что она больна горломъ; Ольга Т., говорятъ, нанялась въ горничныя къ господамъ, которые не пускаютъ ее учиться, и только объ одной дворничихѣ никто мнѣ не могъ сообщить никакихъ свѣдѣній; остается предположить, что съ ней случилось что-либо экстраординарное, вспоминая ея страсть къ ученью. Я просила свою Машу зайти къ ней на возвратномъ пути изъ школы, причемъ она сообщила мнѣ, что дворничиха приходила ко мнѣ какъ-то вечеромъ учиться, когда я была въ театрѣ. Въ виду этого, я просила Машу назначить ей часы между 10-ю и 2-мя, когда я обыкновенно бываю дома.

Относительно Ольги Т. я просила узнать, у какихъ именно господъ служить она и не могу-ли я написать имъ просительное письмо.

Но что явилось одной изъ радостей моего утра, такъ это появленіе горничной, которая, конфузясь, краснѣя и заикаясь, объяснила мнѣ, будто она не отходила отъ своей хозяйки и будто у нихъ произошла только какая-то непріятность. Очевидно, ей не хотѣлось объяснить, какая именно, а я съ своей стороны не желала, конечно, добиваться.

Изъ записной тетрадки моеѣ видно, что мнѣ удалось-таки уладить, чтобы моя горничная Машиа посѣщала школу каждое воскресенье, чему я несказанно рада. Далось мнѣ это, впрочемъ, не безъ борьбы и непріятностей; такъ, напр., моя старая служанка, на предложеніе мое ходить въ гости по понедѣльникамъ, грубо отвѣчала мнѣ: «что я пьяница какая, что-ли, что стану шляться по городу по буднямъ?! на это праздники есть!»

Отчетъ кружковаго собранія 20 января 1892 г. *).

Докладчикъ Х. Д. Алчевская.

Въ собраніи 13-го января 1892 г. предложено было, чтобы въ каждомъ кружкѣ вызвалась учительница, желающая взять на себя обязанность собрать свой кружокъ и содѣйствовать тому, чтобы онъ былъ какъ можно полнѣе и многочисленнѣе. Вызавшись быть представительницей звуковыхъ группъ, я на другой-же день написала пригласительныя записки тѣмъ изъ учительницъ нашего кружка, которыя не присутствовали на настоящемъ засѣданіи.

Въ запискахъ этихъ я выяснила мѣры, которыя предлагались собраніемъ по поводу кружковъ. Не знаю, слѣдуетъ-ли приписать это благотворному вліянію разосланныхъ записокъ, или какимъ-либо другимъ причинамъ, но на этотъ разъ учительницы звуковыхъ группъ были все на лицо, за исключеніемъ трехъ, изъ которыхъ одна не пришла по болѣзни, а другія двѣ—по неизвѣстнымъ причинамъ.

Когда мы собрались и начали наше засѣданіе, прежде всего возникъ вопросъ, какъ собственно мы будемъ вести его? Рѣшено было начать съ разсмотрѣнія группъ каждой отдѣльно, въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ обозначены онѣ въ школьныхъ записяхъ. Самыя большія сомнѣнія возбуждала въ насъ многочисленная группа малолѣтнихъ (55 ученицъ), руководимая учительницами: Е. Р. Г., О. О. Д., Н. А. С., О. М. И. и Х. И. М. Источникомъ этихъ сомнѣній являлось то обстоятельство, что учительницамъ Г. и Д. приходилось заниматься вдвоемъ, такъ какъ Н. А. С. уѣзжала на 4 воскресенья изъ Харькова, а О. М. И. не посѣщала школы по неизвѣстнымъ причинамъ, не давая знать объ этомъ никому изъ участниковъ. Но, вникнувъ детально въ положеніе, въ которомъ находится данная группа, выяснилось однако, что, не смотря на непосильный трудъ

*) Собранія наши дѣлятся на общія и кружковыя. Общими называются тѣ, въ которыхъ участвуютъ все учительницы и обсуждаютъ школьные вопросы сообща; кружковыми—когда онѣ расходятся по отдѣльнымъ комнатамъ и въ кружкѣ параллельныхъ группъ разсматриваютъ съ помощью отчетовъ, какъ именно ведется у нихъ преподаваніе.

двухъ учительницъ, состояніе, въ которомъ находится она, далеко не безотрадно. Въ первомъ отдѣленіи (37 ученицъ) пройдены всѣ звуки, во второмъ (18) — ученицы читаютъ уже и пишутъ; каждое изъ этихъ отдѣленій распадается, въ свою очередь, на два подраздѣленія — сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, почему собственно и требуются 4 учительницы. Что касается ариѳметики, преподаваніемъ которой занимается Н. И. М., то, по отзывамъ ея сотоварищей, предметъ этотъ поставленъ ею блистательно: вся многочисленная группа идетъ параллельно; преподаваніе ведется живо, толково, съ энергіею; ей удастся какъ нельзя лучше приковать къ себѣ вниманіе всѣхъ 55 ученицъ. Пройдены расчеты на всѣ 4 дѣйствія въ предѣлѣ 10. Пропусковъ въ группѣ почти не замѣчается; ученицы чрезвычайно старательны, къ занятіямъ относятся съ большимъ рвеніемъ, очень любятъ своихъ учительницъ, домашнія работы исполняютъ охотно; инныя изъ нихъ пріобрѣли даже тетради для этихъ домашнихъ работъ. Нѣкоторыя изъ наиболѣе успѣвающихъ берутъ книги изъ библіотеки. Выслушавши это заявленіе, Х. Д. Алчевская поставила на видъ, что учительницамъ звуковыхъ группъ необходимо обратить особенное вниманіе на то, какія именно книги берутъ въ библіотекѣ ихъ еле грамотныя ученицы и какъ справляются съ ними.

При обсужденіи вопроса, слѣдуетъ-ли при обученіи азбукѣ писать въ тетрадяхъ или на грифельныхъ доскахъ, выяснилось, между прочимъ, что Е. Р. Г., защищающая тетради, пріобрѣла ихъ на свой счетъ для всѣхъ 55 ученицъ и вполне довольна успѣхами въ письмѣ.

Л. И. А. также стояла за преимущество тетрадокъ и говорила, что привычка безпрестанно стирать буквы остается у ученицъ весьма надолго, и онѣ вытираютъ потомъ пальцами написанныя карандашомъ слова, пачкая такимъ образомъ тетради.

Нѣкоторыя изъ учительницъ находили, что съ помощью тетрадей и карандашей вырабатывается лучший почеркъ. Х. Д. Алчевская высказала, что грубыя и неумѣлыя руки ученицъ выводятъ часто такія безобразныя начертанія, что увѣковѣчивать ихъ въ тетрадкахъ совсѣмъ не слѣдуетъ; кромѣ того, при прохожденіи алфавита неизбѣжны постоянныя ошибки, а навыкъ глаза къ правильнымъ начертаніямъ и къ правильно написаннымъ словамъ имѣетъ тоже большое значеніе въ дѣлѣ преподаванія. Вотъ почему, относясь весьма заботливо ко всему, что касается ея группы, она, тѣмъ не менѣе, не замѣняетъ досокъ тетрадками.

Большинство отнеслось, однако, съ большей симпатіей къ введенію тетрадей и только 6 изъ 15 оказались солидарными во взглядѣ съ Х. Д. Алчевской.

Затѣмъ перешли къ разсмотрѣнію группы С., Ф. и М., образо-

вавшейся съ начала года. Группа эта состоитъ изъ 15 ученицъ; 4 изъ нихъ отстали отъ своихъ сотоварищей и съ ними приходится заниматься отдѣльно. Успѣвающія прошли алфавитъ, читаютъ «Нов. Азбуку» Толстого, исполняютъ домашнія работы, посѣщаютъ школу весьма аккуратно. Преподаваніе ариѳметики находится на одномъ уровнѣ съ предыдущей группой. Одна изъ ученицъ выбыла вслѣдствіе поступленія въ ежедневную школу; причины-же выбытія еще двухъ неизвѣстны. На той-же ступени знанія находится и группа подростковъ М. и К. Въ ней оказались отставшими двѣ ученицы, крайне неспособныя; обѣ онѣ плохо сливаютъ звуки, и хотя учительница приглашала одну изъ нихъ на домъ и занималась съ нею отдѣльно, старанія эти оказались почти безуспѣшными.

Х. Д. Алчевскою былъ возбужденъ вопросъ, какія собственно мѣры слѣдуетъ практиковать для занятій съ отстающими, причемъ было высказано нѣсколько разнообразныхъ приѣмовъ, какъ, напр.: приглашать на домъ, привлекать временно въ группу третью учительницу и т. д.

Что касается группъ Ф., А., Д. и Э., то Х. Д. Алчевская заявила, что ей удалось побывать въ нихъ и послушать преподаваніе. «Ученицы Л. И. А., говорила она, — окончили уже за первое полугодіе алфавитъ и читаютъ «Н. Азбуку» Толстого. Чтеніе ихъ привело меня въ совершенный восторгъ: медленное, толковое, съ полнымъ усвоеніемъ сліянія, оно не оставляетъ желать ничего лучшаго, и, слушая этихъ ученицъ, мнѣ казалось, что *они* никогда не научатся читать такъ хорошо, особенно иныя, проявившія въ это воскресенье особенную неспособность къ воспріятію новыхъ звуковъ.

Отъ группы Л. И. А. я перешла къ ученицамъ Ф. Здѣсь я застала двѣ скамьи не взрослыхъ, какъ у А., а малолѣтнихъ ученицъ. Вмѣсто учительницъ, завѣдывающихъ группой, здѣсь занималась какая-то очень молоденькая, незнакомая мнѣ дѣвушка. Очевидно, она вкладывала въ эти занятія всю свою душу; но заниматься съ этими дѣтьми было не легко, такъ какъ первая скамья бойко писала: «оводъ», «неводъ» и т. д. (стр. 11-я «Наглядной Азбуки»), а вторая еле-еле могла справиться съ коротенькимъ словомъ «ива», помѣщеннымъ 2—3 страницами раньше. Очевидно, группа разошлась въ своихъ знаніяхъ, и классное общее преподаваніе стало невозможнымъ. Вотъ почему раскраснѣвшаяся учительница то билась усиленно надъ словомъ «ива», то металась къ первой скамьѣ и произносила на-лету: «пишите—неводъ!»

Отъ неизвѣстной мнѣ учительницы я перешла въ группу взрослыхъ ученицъ А. И. Э. Здѣсь преподавательница съ такимъ-же усердіемъ припадала къ ученицамъ, окончившимъ алфавитъ и еле

читающимъ—увы!—буквослагательнымъ способомъ: М...а—Ма, ш...а—ша—Маша. Недостатокъ этотъ выступилъ особенно ярко для меня при сравненіи съ группой А., но винить въ этомъ, на мой взглядъ, слѣдуетъ не учительницу, только-что появившуюся въ нашемъ кружкѣ и незнакомую детально съ методомъ звукового преподаванія, а школу и ея опытныхъ наставницъ, которыя допускаютъ такого рода неправильное явленіе.

Что касается ариѳметики, то въ группѣ Ф. считаютъ устно до 100, расчеты-же дѣлаютъ на числа въ предѣлахъ 10.

Въ группѣ А. и Д. рѣшаютъ расчеты въ предѣлахъ 100 и записываютъ ихъ. Такіе успѣхи учительницы объясняютъ себѣ тѣмъ, что при поступленіи въ школу ученицы ихъ обладали практическимъ навыкомъ сосчитывать большія числа, даннымъ имъ жизнью.

Выслушавъ мнѣніе Х. Д. Алчевской относительно того, какъ хорошо читаютъ ея ученицы, Л. И. А. замѣтила, что находитъ такое мнѣніе преувеличеннымъ, на что Х. Д. Алчевская возразила, что она вовсе не склонна указывать только на хорошіе результаты и, какъ на темную сторону, укажетъ на то обстоятельство, что ученицы группы Л. И. А. весьма неаккуратно посѣщаютъ школу; такъ, напр., въ настоящее воскресенье изъ 12 ученицъ было всего 4.

Между прочимъ, оказалось, что, не смотря на хорошо усвоенное чтеніе, ученицы этой группы не берутъ еще книгъ изъ библіотеки, такъ какъ Л. И. А. находитъ это преждевременнымъ.

Въ группѣ Г. двѣ изъ 7 ученицъ отстали отъ своихъ сотоварищей, читающихъ уже порядочно и берущихъ книги изъ библіотеки; онѣ не только плохо читаютъ, но не усвоили даже, какъ слѣдуетъ, сліянія звуковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ни удивительно, эти двѣ неуспѣвающія въ грамотѣ ученицы идутъ первыми по ариѳметикѣ, пишутъ числа до 100, дѣлаютъ расчеты на числа до 20 и рѣшаютъ задачи лучше и быстрѣе своихъ сотоварищей. Одна изъ нихъ, забывающая обыкновенно названія звуковъ, пройденныхъ въ предыдущее воскресенье, говоритъ въ свое оправданіе: «Какъ вернусь домой—все знаю, а пересплю ночь—опять все забыла. Хоть вы что хотите со мной дѣлайте!»

Подобные субъекты заслуживаютъ, конечно, особеннаго вниманія. И не вообразила-ли она себѣ фаталистически, судя, быть можетъ, по первому неувоенному уроку, что ночь съ воскресенья на понедѣльникъ имѣетъ для нея такое зловѣщее значеніе...

Въ группѣ С., состоявшей прежде изъ 12 ученицъ, 4 не посѣщаютъ школы по неизвѣстнымъ причинамъ, а остальные 7 приходятъ очень неаккуратно. Печальнѣе всего то, что изъ группы выбыла взрослая ученица, замужняя женщина 25 лѣтъ, поступившая съ

страстнымъ желаніемъ научиться грамотѣ съ цѣлью писать письма своему мужу—солдату, которому взводить на нее напраслину недоброжелательно относящіяся къ ней его родные. Фактъ этотъ показался Х. Д. Алчевской настолько трогательнымъ, что, не смотря на неудобство принимать въ свою группу *новую* ученицу, она все-таки предложила принять ее, причемъ М. Н. С. обѣщала войти въ переговоры на этотъ счетъ съ знакомой ей выбывшей женщиной. Печальнымъ въ группѣ С. оказалось еще и то обстоятельство, что ни самой учительницы, ни письменныхъ свѣдѣній объ ея группѣ въ кружковомъ собраніи не было. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что В. Ф. С., очень еще молодая дѣвушка, не успѣла ознакомиться со всѣми порядками школы, и остается только сожалѣть, что такая отвѣтственная группа попала въ руки къ ней, а не къ болѣе опытной учительницѣ.

Что касается группы Х. Д. Алчевской, то лица, которыя интересуются преподаваніемъ въ ней, могутъ обратиться къ ея школьному дневнику, въ которомъ весьма детально говорится и объ отношеніяхъ учительницы къ ученицамъ, и о веденіи преподаванія, и о способностяхъ ученицъ.

Вызвавшись быть докладчицей кружкового собранія, я, приступая къ этой работѣ, прежде всего сочла необходимымъ перечитать отчетъ предшествовавшаго мнѣ докладчика. Признаюсь, что чтеніе это навело меня на грустное раздумье, имѣла-ли я нравственное право предлагать себя въ докладчицы? Предыдущій отчетъ составленъ такъ коротко, сжато, толково и, если хотите, талантливо, что не остается желать ничего лучшаго. Кромѣ того, онъ блещетъ оригинальностью наблюдений и выводовъ, которыми необходимо дорожить въ дѣлѣ воспитанія. Подъ впечатлѣніемъ этого раздумья, я обратилась къ составительницѣ его и просила ее чередоваться со мною въ составленіи отчетовъ по кружковымъ собраніямъ, на что она, къ моей искренней радости, дала свое согласіе.

Меня занимаетъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ, который я намѣрена внести въ слѣдующее кружковое собраніе: долженъ-ли докладчикъ болѣе или менѣе руководить засѣданіемъ и направлять въ немъ вопросы въ томъ смыслѣ, какъ это ему кажется желательнымъ и полезнымъ? Я думаю, что *долженъ*. И слушая издали громкій и звучный голосъ М. Ф. Б., которая надолго затянула засѣданіе своего кружка, я думала именно объ этомъ и мысленно апплодировала той авторитетной нотѣ въ этомъ голосѣ, которая слышалась мнѣ издали. Необходимо также будетъ поставить на видъ нашему слѣдующему кружковому собранію, что такъ какъ оно происходило не въ первый

понедѣльникъ послѣ перваго числа, а за одно воскресенье до окончанія января мѣсяца, то разсужденія по поводу положенія группъ захватили, естественно, и этотъ мѣсяць. Вотъ почему, на мой взглядъ, вполне правильно будетъ считать, что наше кружковое собраніе было за ноябрь, декабрь и январь. Не знаю, что скажутъ другія? Думаю, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ на общемъ собраніи, точно такъ же, какъ и два слѣдующіе: 1) когда именно назначить намъ теперь кружковое собраніе и 2) группы, окончившія алфавитъ и читающія «Нов. Азбуку» Толстого, войдутъ-ли въ будущее кружковое собраніе въ составъ учительницъ звуковыхъ группъ, или проходящихъ «Азбуку» Толстого? Оба эти случая имѣютъ свои основанія: въ первомъ—учительницы, закончившія алфавитъ, съ полнымъ правомъ могутъ критически относиться къ тѣмъ, которые проходятъ его, и давать имъ полезныя совѣты; во второмъ—онѣ получаютъ возможность совѣщаться съ преподавательницами параллельныхъ группъ. То и другое, на мой взглядъ, и интересно, и полезно; но, если-бы мнѣ лично пришлось выбирать одно изъ двухъ, я остановилась-бы на второмъ, такъ какъ совѣщаніе съ сотоварищами параллельныхъ группъ считаю болѣе цѣлесообразнымъ.

25-го января 1892 г.

Собираясь приготовляться къ уроку на завтра, я заглянула въ свой прежній школьный дневникъ и увидѣла, что недостатки моего преподаванія заключаются въ томъ, что ученицы мои, прекрасно разлагая слово на слоги, прекрасно складывая его изъ буквъ, сливая, какъ слѣдуетъ, и умѣя написать, вмѣстѣ съ тѣмъ читаютъ весьма плохо. Въ виду этого обстоятельства я рѣшила посвятить завтра весь первый часъ чтенію по азбукѣ тѣхъ словъ, которые уже пройдены нами; кромѣ того, на первомъ-же часѣ придется пересмотрѣть домашнія работы ученицъ.

Во 2-й часъ я должна буду показать ученицамъ два новыхъ звука, а именно—*о* и *р*.

3-й часъ. Ариѳметика.

4-й часъ трудно предугадать заранее, такъ какъ онъ находится въ зависимости отъ посѣщенія священника, но во всякомъ случаѣ у меня уже намѣчено чтеніе статьи «Домашнія животныя», помѣщенной въ сборникъ «Первая Пчелка».

Подъ впечатлѣніемъ кружковаго собранія я сильно задумалась надъ тѣмъ, не реформировать-ли мнѣ мою группу, въ интересахъ великовозрастныхъ ученицъ, изъ группъ гр. Э. и С., находящихся въ неудовлетворительномъ состояніи? Положимъ, это опять затормозитъ нѣсколько мое преподаваніе; положимъ, мнѣ чуть не до слезъ

будетъ жалъ разстаться съ моимъ милымъ «Коржикомъ» и другими младшими ученицами, къ которымъ уже успѣла я привязаться; но все-таки самое дѣло будетъ, вѣроятно, въ выигрышѣ. Необходимо только столкнуться съ учительницами Э. и С., пожелаютъ-ли онѣ съ своей стороны этой перемѣны.

26-го января 1892 г.

Я прошла въ школѣ все то, что намѣтила наканунѣ, но на третій часть остановилась на одномъ приѣмѣ, который показался мнѣ удачнымъ, почему я и занесу его въ дневникъ. Къ концу учебнаго года учительницѣ легко опредѣлить сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ изъ своихъ ученицъ, но то-же самое бываетъ далеко не такъ легко въ началѣ: одна пропустила 2—3 воскресенья и изъ сильнѣйшихъ попала въ слабѣйшія; другая, робкая, застѣнчивая дѣвушка, повидимому, неспособная усвоить новыхъ звуковъ и слѣніе, ободрившись, обнаруживаетъ самыя прекрасныя способности; третья, самонадѣянная и бойкая по виду, оказывается вдругъ отставшею и т. д. Вотъ почему передъ 4-мъ часомъ я затруднялась обыкновенно опредѣлить, кто именно изъ ученицъ моихъ пойдетъ слушать Законъ Божій и кто нуждается въ повтореніи. Сегодня-же я устроила такъ: за $\frac{1}{4}$ часа до звонка я раздала ученицамъ доски и просила написать *вполнѣ самостоятельно* всѣ тѣ слова, которыя прошли мы. Это дало мнѣ полную возможность отличить правильно сильнѣйшихъ отъ слабѣйшихъ и соотвѣтственно тому раздѣлить ихъ.

Замѣчается, между прочимъ, и такое обстоятельство, тормозящее подчасъ возможность узнать, самостоятельно-ли написала ученица данное слово,—это привычка заглядывать къ сосѣдкѣ и списывать съ ея доски. Не смотря на то, что я 2—3 раза дѣлала уже воззванія въ этомъ направленіи и объясняла необходимость самостоятельной работы, это нежелательное явленіе все-таки не исчезаетъ, и особенно грѣшитъ имъ Аня Коржева. Вотъ почему я отсадила ее на этотъ разъ отдѣльно, къ окошечку, причемъ спросила себя, не похоже-ли это на наказаніе; но элементовъ наказанія, очевидно, не было въ этомъ фактѣ, такъ какъ я поступила такимъ образомъ безъ малѣйшей злобы, а сама Аня, веселая и улыбающаяся, отправилась къ окну. Ея самостоятельная работа, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась неудовлетворительной, такъ какъ рядомъ съ нею не было умѣлой сосѣдки. Сейчасъ мнѣ приходитъ въ голову такая мѣра: сгруппировать всѣхъ сильнѣйшихъ въ одинъ конецъ стола, а слабѣйшихъ въ другой; тогда не у кого будетъ списывать.

Въ группѣ моей не было четырехъ ученицъ: Ольги Т., поступившей въ горничныя, о чемъ упоминала уже я; горничной, съ ко-

торой вѣчно происходятъ какія-то исторіи, тормазиціи приходъ ея въ школу; Лукерыи В. и Анны М., живущихъ на Основѣ. По поводу двухъ послѣднихъ Марѳа Т. объяснила мнѣ слѣдующее: «Тамъ такая у насъ грязюка, что просто не вылезешь, да и боромъ страшно идти—онѣ боятся!»

— А какъ-же вы идете теперь одна?—спросила я, не безъ удивленія, глядя на нее.

— Я-то?—переспросила она весело, вскинувъ на меня своими молодыми глазами,—я ничего не боюсь! Что мнѣ сдѣлается отъ грязи—растаю, что-ли?! А въ бору никогда ни одной души не встрѣчается по той тропинкѣ, по которой мы ходимъ; чего-жъ тамъ бояться?!»

Я взглянула въ записную тетрадь и увидѣла, что Марѳа Т. изъ 7-ми воскресеній не пропустила ни одного.

По просьбѣ завѣдывающей распредѣленіемъ группъ, я приняла къ себѣ еще одну ученицу, умѣющую немножко читать и не умѣющую писать. Это высокая женщина съ некрасивымъ, мужскимъ лицомъ и грубыми чертами, полька, живетъ прачкой въ семьѣ Т. и твердо рѣшилась, очевидно, научиться грамотѣ. Въ статистической записи стоитъ, что она дворянка, и сама она дѣлаетъ какіе-то намеки на свое трагическое прошлое, когда она была ребенкомъ достаточной, но обѣднѣвшей потомъ семьи. Въ виду того, что она не писала элементовъ и нѣсколькихъ пройденныхъ нами буквъ, я спросила, не можетъ-ли она придти когда-нибудь ко мнѣ на домъ, чтобы догнать другихъ ученицъ, но она заявила, что для нея это совершенно невозможно. Тогда я сказала ей: «не покажетъ-ли вамъ барышня ваша: вѣдь она постоянно свободна?»

— Ой, нѣтъ!—отвѣчала прачка съ какимъ-то испугомъ.—Я даже подступиться къ нимъ боюсь.

При этомъ я невольно подумала, что воскресная школа морализируетъ не только ученицъ, но и учительницъ. Я вспомнила свое обращеніе съ горничной Машей дома и въ школѣ. Здѣсь, что-бы ни сдѣлала она, какой безобразной буквы ни вывели-бы ея пальцы, какъ не попадъ ни отвѣчала-бы она на мой вопросъ, во мнѣ не является ни малѣйшаго раздраженія, ни малѣйшаго повышенія голоса, а тамъ, дома, не явись она ко мнѣ на первый зовъ, и я говорю уже раздражительно, повысивъ голосъ: «вы вѣчно пропадаете въ кухнѣ, васъ никогда невозможно найти въ комнатахъ!» Происходитъ это оттого, конечно, что здѣсь, въ школѣ, въ этомъ союзѣ равенства и братства, мы видимъ передъ собою *человѣка*, одареннаго такой-же душой и требующаго исключительно привѣта и ласки, а тамъ передъ нами нанятая служанка, и только. Встрѣчаются, конечно

исключенія среди этихъ господъ, потомковъ крѣпостниковъ, но какъ они рѣдки! Мнѣ представляется въ эту минуту горделивый образъ одной дѣвушки, дочери достаточной семьи, который многимъ казался даже слишкомъ надменнымъ и самонадѣяннымъ по виду. И вотъ, когда я узнала однажды совершенно случайно отъ бѣднаго рабочаго люда, отъ тѣхъ-же прачекъ и горничныхъ, какъ добра эта барышня дома, сколько симпатіи, любви и даже благоговѣнія вызываетъ она въ нихъ при сравненіи съ другими господами, гдѣ перебывали онѣ и куда забрасывала ихъ горемычная судьба, мнѣ показались вдругъ близорукими люди, составляющіе сужденіе о человѣкѣ по выраженію лица.

Поступила ко мнѣ въ группу еще одна ученица, по просьбѣ А. Д. И., тоже научившаяся немножко читать самоучкой и неумѣющая писать. Эта женщина 25-ти лѣтъ, крестьянка, съ кроткимъ типичнымъ малорусскимъ лицомъ и карими добрыми глазами, кажется мнѣ необыкновенно симпатичной.

Отставшими на этотъ разъ должны были оказаться Елена Г., пропустившая два воскресенья, и дворничиха, пропустившая одно; но онѣ положительно устроили мнѣ сюрпризъ: замѣтивши, что я показываю обыкновенно два звука впередъ, Елена Г. узнала гдѣ-то у сосѣдей, что неизвѣстныя ей буквы, стоящія на очереди, называются *о*, *и*, *ш* и *р*; а дворничиха пошла еще дальше и говорила мнѣ, сияя: «Опять господа завезли въ деревню на недѣлю холсты ткать. Приѣзжаю вчера вечеромъ и прямо къ своему (мужу): это какъ называется? говорить: «по нашему *рыи*, а по вашему Богъ его знаетъ!» Думала я, думала и порѣшила, что по нашему онѣ непременно будутъ *р*, такъ оно и вышло!»

Обѣ ученицы нисколько не тормазили группы, и мы двигались далѣе съ достаточной быстротой.

На урокахъ моихъ присутствовала учительница ежедневной школы Общества грамотности, Е. А. Л. Она пришла послушать мое преподаваніе.

Странныя отношенія складываются у меня съ этими посторонними посѣтителями, и я ужасно довольна этимъ: они вовсе не являются холодными наблюдателями, конфузующими и учительницу, и ученицъ, и мнѣ: удастся съ какимъ-то удивительнымъ, непонятнымъ даже для самой себя искусствомъ втянуть ихъ въ интересы моихъ ученицъ и въ общій ходъ преподаванія. Е. А. нашла, что одна изъ моихъ питомицъ въ особенности дурно держитъ руку при письмѣ — какъ-то ладонью вверхъ. Я замѣчала это и прежде и говорила объ этомъ, но увлечешься, такъ сказать, духовной стороною преподаванія, какъ, напр., тайной слиянія звуковъ, и невольно позабудешь объ этихъ

скривленныхъ пальцахъ и свѣшивающихся локтяхъ. Въ неменьшій ужасъ пришла Е. А. и по поводу того обстоятельства, что ученицы мои пишутъ слова, не соединяя между собою буквъ тонкими линиями, и хотя я объяснила ей, что пока это полезно во избѣжаніе сліянія «дѣ-смерти», какъ называю я, когда вы рѣшительно не можете понять, принадлежитъ-ли эта прямая удлиненная буква *у* или *р*, наѣхавшей на нее, но она все-таки настаивала на своемъ, и подѣ конецъ я сдалась на ея доводы. Находила она также, что моя клас-сная доска слишкомъ узко разлинована; но все это нисколько не по-мѣшало ей помогать мнѣ все утро и припадать то къ одной, то къ другой ученицѣ. Заспорила она, между прочимъ, и на ту тему, что тетради несравненно полезнѣе досокъ и что на доскѣ никакъ нельзя вывести волосныхъ линий. Сдается мнѣ, что эти толки о преимуще-ствѣ тетрадокъ заставятъ-таки меня перейти къ нимъ, не смотря на всю мою приверженность къ грифельнымъ доскамъ.

Всѣ эти переговоры съ Е. А. мы вели громко, тутъ-же и, обра-щаясь къ ученицамъ, я сказала имъ: «Вы не удивляйтесь на насъ, господа, и не думайте, что мы ссоримся! Мы только сговариваемся, какъ лучше учить васъ, чтобы было легче и понятнѣе».

Одна изъ ученицъ, умѣющая читать и не умѣющая писать, за-явила мнѣ еще въ прошлый разъ, что ей хотѣлось-бы идти впередъ класса. Вотъ почему я, воспользовавшись присутствіемъ Е. А. и объ-яснивши, въ чемъ дѣло, отсадила ее на отдѣльный столикъ. Проза-нимавшись съ нею цѣлый часъ, Е. А. нашла, что она хотя и пи-шетъ бойко начертанія буквъ, но разлагаетъ слова съ такимъ-же трудомъ, какъ, пожалуй, и неграмотныя. Сама-же ученица, видя, какъ весело и оживленно идутъ наши занятія сообща, подошла и сказала мнѣ: «нѣтъ, ужъ я лучше буду заниматься вмѣстѣ съ другими!»

Реформировать свою группу, какъ предполагала я, мнѣ не при-шлось: оказалось, что у Э. и С. ученицы оканчиваютъ уже азбуку; оказалось также, что С. не была въ кружковомъ собраніи, потому что никто не выяснилъ ей значенія этого собранія, а учительница Е. И. Д. извѣщала письменно о своей болѣзни, но письмо это было утеряно нечаянно ея подругой.

На 4-й часъ пришелъ священникъ, и такимъ образомъ я полу-чила возможность слушать преподаваніе въ группѣ Г. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчать учительницу, которая съ такимъ привѣ-томъ и настойчивостью приглашала-бы судить о результатахъ, по-лученныхъ въ ея группѣ. Она просила меня все утро такимъ обра-зомъ, какъ будто посѣщеніе мое являлось личнымъ для нея одол-женіемъ; я-же и сама интересовалась этимъ какъ нельзя болѣе.

Оказалось, что изъ восьми шесть ученицъ читають вполне удовлетворительно, пишутъ бойко, но очень некрасиво, съ какими-то ненужными завитушками и не попадая въ линіи. Учительница ссылается на ту причину, что въ группѣ ея до сихъ поръ были старыя доски съ истертыми линіями и что сегодня только она получила новыя. Причина эта показалась мнѣ весьма основательной, хотя все-таки не объяснила мнѣ существованія завитушекъ.

Исключеніемъ изъ общаго правила являлись двѣ ученицы, на которыхъ указывала Г. и въ кружковомъ собраніи. Онѣ положительно не могли прочесть по «Наглядной Азбукѣ» двухъ словъ. «Это ваши математики?» спросила я ее, взглянувши въ лица этихъ удивительныхъ дѣвочекъ-подростковъ. Одной изъ нихъ казалось лѣтъ 12, другой—14. Красивые каріе глаза смотрѣли бойко и пытливо и никакихъ признаковъ тупости не было замѣтно на этихъ умныхъ, симпатичныхъ личикахъ.

«Задайте имъ какую-нибудь задачку!» попросила я Г. Она на минутку задумалась и затѣмъ сказала: «Слушайте, дѣти! У мальчика было 15 к. Мать дала ему еще 10 к. Изъ всѣхъ денегъ 5 к. онъ изстратилъ на яблоки, а остальные деньги раздѣлил между 4 сестрами поровну. Спрашивается, по сколько копеекъ получила каждая сестра?»

Двѣ дѣвочки, неспособныя научиться грамотѣ, впились въ лицо учительницы своими карими пытливыми глазами. Взглядъ этотъ напомнилъ мнѣ почему-то взглядъ умной собаки, смотрящей на своего хозяина. Прошла минута, и правильный отвѣтъ былъ готовъ уже у обѣихъ неспособныхъ ученицъ, въ то время какъ на лицахъ способныхъ замѣчалось крайнее напряженіе и тщетныя усилія справиться съ предложеннымъ матеріаломъ.

Обѣ эти ученицы представляютъ, на мой взглядъ, настолько интересное явленіе, что, будь я на мѣстѣ учительницы Г., я, кажется, передала-бы ѣ успѣвающихъ ученицъ въ параллельную группу, а сама посвятила-бы всѣ свои силы и способности этимъ двумъ удивительнымъ дѣтямъ.

По уходѣ священника, я читала со смѣшанными группами статью «Домашнія животныя» изъ сборника «Пчелка». Мы не успѣли прочесть статьи до конца, но и того, что прочли мы, было достаточно, чтобы нагнать на насъ страшную скуку. Мнѣ просто стыдно было читать передъ своими малограмотными и неграмотными ученицами такія строки: «Цѣльная кость состоитъ изъ двухъ веществъ, соединенныхъ одно съ другимъ: во-первыхъ, изъ органическаго вещества, какъ говорятъ ученые,—изъ того вещества, которое горитъ въ огнѣ и не растворяется въ уксуѣ—изъ хряща; во-вторыхъ, изъ минераль-

наго, неорганическаго вещества, которое не горитъ, но за-то растворяется въ уксуѣ—изъ камня, главнымъ образомъ изъ извести».

Даже анекдотическія свѣдѣнія о томъ, что собаки рѣшаютъ ариеметическія задачи и играютъ въ карты, пашки и домино, не содѣйствовали искупленію скуки, и всѣ, очевидно, очень были довольны, когда прозвонилъ звонокъ. Но этого мало: желая провѣрить новую книжку «Первая Пчелка», я раздала ее въ 50 экземплярахъ по рукамъ и требовала, чтобы передавать ея содержаніе ко мнѣ приходили разомъ 5—6 ученицъ. Каждая изъ нихъ, точно по заказу, говорила мнѣ: «Лучше всего мнѣ понравился «Иванушка-дурачекъ» и «Три пояса», а какъ дошла до послѣдней—«Домашнія животныя», прочитала немножко и бросила—не интересно». Слово «немножко» варіировалось, однако, со словами «половину» и «почти до конца»; наконецъ, одна взрослая дѣвушка сказала мнѣ солидно: «а я всю какъ есть прочла!» Я даже обрадовалась этому разнообразію и спросила ее: «значить было интересно?»—«Нѣтъ, не то, чтобы интересно, а у меня такія правила: скучно-ли, нѣтъ-ли—до конца каждую книжку дочитываю».

28-го января 1892 г.

Совершая свою утреннюю прогулку въ 8^{1/2} час., я увидѣла нашу молоденькую учительницу, специалистку И., которая шла мнѣ навстрѣчу. Раскраснѣвшись, запыхавшись, съ кипой книгъ въ рукахъ, она спѣшила, очевидно, въ гимназію. Поровнявшись, я поздоровалась и пошла вмѣстѣ съ нею.

Странное дѣло, когда въ собраніи нашемъ обличаютъ кого-нибудь изъ учительницъ въ неаккуратномъ посѣщеніи школы и предлагаютъ карательныя мѣры, въ видѣ существующаго правила лишать самостоятельной группы, мнѣ кажется всегда, что собраніе это призвано карать и быть строгимъ и справедливымъ судьей. Но когда я встрѣчаюсь затѣмъ лицомъ къ лицу съ пострадавшимъ на немъ живымъ человѣкомъ, мнѣ становится ужасно больно и стыдно и я чувствую себя какъ-бы виноватой передъ нимъ. Такъ было и сегодня съ учительницей И. Это чувство виновности еще съ большей силой охватило меня, когда молоденькая дѣвушка, почти ребенокъ, глядя на меня своими ясными, правдивыми глазами, говорила мнѣ: «Да я и сама себя виню,—нахватала много дѣла и никакъ не справлюсь съ нимъ: въ гимназіи слушаю двѣ специальности, дома репетирую братьевъ: одного постарше—изъ французскаго и нѣмецкаго, а другого маленькаго—по всѣмъ предметамъ. А тутъ еще пробныя уроки у насъ начались, къ нимъ приходится готовиться; но ужъ за то, какъ кончу, въ будущемъ году не пропущу ни одного воскресенья, а теперь буду рада, если хоть запасной учительницей меня оставить».

Воскресенье, 2-го февраля 1892 г.

Когда прошлый разъ ученицы расходились изъ школы, я подонгла къ прачкѣ Марьянѣ и спросила ее, не можетъ-ли она придти ко мнѣ въ субботу, подѣ воскресенье, вечеркомъ?

— А если припоздаю—ничего?—поставила она вопросъ.

— Нѣтъ, лучше-бы пораньше, часовъ въ 6, — замѣтила я и въ то-же время подумала:—что, если въ субботу будетъ поставлена опера «Рогнеда»?

— Постараюсь управиться, только наврядъ-ли! — замѣтила печальнымъ голосомъ Марьяна.

Мнѣ стало немножко совѣстно, но перспектива «Рогнеды» заставила промолчать.

На страницахъ моего дневника не разъ уже встрѣчались слова «театръ» и «опера», и я положительно чувствую нравственную потребность сказать на этотъ счетъ нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Влеченіе къ театру и оперѣ проходитъ по всей моей жизни какими-то полосами. Вотъ я даю себѣ слово не посѣщать зрѣлищъ и они кажутся мнѣ кукольной комедіей, стоящей неизмѣримо ниже самой жизни со всѣми ея водевилями, трагедіями и драмами; 5—6 лѣтъ сряду я не посѣщаю ни театра, ни оперы, и вдругъ находитъ на меня новая полоса, когда Шекспиръ, Гёте, Мейерберъ, Россини, Гуно кажутся мнѣ великими учителями человѣчества, а драматическій театръ и опера—той высшей школой, безъ которой грубѣетъ и черствѣетъ душа человѣка среди житейскихъ дразгъ.

Бѣдная прачка Марьяна попала именно въ эту полосу моей жизни, но ея энергія и настойчивость преодолѣли препятствіе, поставленное оперой, и ровно въ 6 час. въ субботу она стояла передо мною принаряженная въ старенькое, но очень приличное черное шерстяное платье, припасенное у нея, вѣроятно, для торжественныхъ случаевъ. Лицо Марьяны имѣло какое-то особенно умиленное выраженіе, грубыя черты какъ-будто смягчились, а въ глазахъ свѣтилась неподдѣльная радость человѣка, преодолевшаго препятствіе.

— Справилась къ шести; только что бѣлье приняли!—заговорила она весело, развязывая узелокъ съ завітной азбучкой и доской. Доска оказалась исписанной такими красивыми, тщательно выведенными буквами и словами, что я заподозрила, не умѣла-ли она не только читать, но и писать раньше?—Хоть-бы одну букву умѣла!—увѣряла меня Марьяна.—А ужъ какъ мнѣ хочется научиться писать!—продолжала она горячо, —наше все семейство по всему свѣту разбросано; положимъ, можно найти человѣка, который тебѣ напишетъ не то что за деньги, но и даромъ, только все это не то, что самой умѣть написать: иной разъ посоветишься передъ чужимъ изложить, что у тебя на душѣ происходитъ.

Во мнѣ опять возникъ интересъ къ прошедшему Марьяны, къ ея семьѣ, разбросанной по всему свѣту, и, не задаваясь вопросомъ, насколько это умѣстно, я спросила ее объ этомъ. На только что веселое лицо набѣжала вдругъ темная туча, добрые глаза наполнились слезами, и, отвернувшись отъ меня въ сторону, Марьяна суетливо полѣзла въ карманъ за платочкомъ. Тогда только я почувствовала, насколько не деликатенъ былъ мой вопросъ и какъ грубо дотронулась я до чужой душевной раны. Занятія, впрочемъ, тотчасъ положили этому конецъ, и черезъ часъ Марьяна уходила такою-же веселою, какъ и пришла.

Видя, съ какой страстностью А. Д. Г. стремится къ самостоятельнымъ занятіямъ, я рѣшила въ сегодняшнее-же утро, совершенно неожиданно для нея, предложить ей заниматься съ нашей группой безъ всякаго съ моей стороны вмѣшательства. Очевидно, предложеніе это было для нея чрезвычайно пріятно; но, когда я, удалившись въ глубину залы, стала ходить взадъ и впередъ, силясь не обращать на нее никакого вниманія, я очень хорошо почувствовала всю застѣнчивость молодой дебютантки и, не желая стѣснять ее, удалась въ музей. Это оказалось весьма кстати, такъ какъ тамъ я встрѣтила двухъ незнакомыхъ мнѣ посѣтительницъ: одна изъ нихъ Ж. пріѣхала изъ Тирасполя, Херсонской губ., а другая Н. изъ Кременчуга. Я очень была рада, что этотъ свободный часъ далъ мнѣ возможность поговорить съ ними и болѣе или менѣе познакомить ихъ со школьными порядками.

Нашъ уважаемый завѣдующій библіотекой Т. И. Г. находитъ большимъ ущербомъ для школы то обстоятельство, что я взяла группу и что такимъ образомъ посторонніе посѣтителі лишены возможности бесѣдовать со мною непосредственно относительно всѣхъ распоряжковъ школы. Но я не могу согласиться съ нимъ: во-первыхъ, лицо, завѣдующее распредѣленіемъ группъ, гораздо ближе меня знакомо съ общимъ ходомъ дѣла, а во-вторыхъ, эти посторонніе посѣтителі могутъ, если желаютъ, побесѣдовать со мною и внѣ школы, какъ это случилось теперь. Я пригласила А. А. и А. Д. идти прямо изъ школы ко мнѣ въ домъ вмѣстѣ со мною, на что онѣ любезно согласились. Но, когда я вошла съ ними наверхъ по нашей крутой лѣстницѣ, послѣ 5 часовъ занятій, я почувствовала себя совершенно разбитой и, извинившись, легла въ постель. Это не помѣшало мнѣ, однако, продолжать съ ними начатый интересный разговоръ, встать къ обѣду и вечеромъ, прощаясь, снабдить ихъ всѣми матеріалами, касающимися открытія воскресной школы.

Что это за различные люди, эти двѣ учительницы воскресной школы!? Первая изъ нихъ высокая полная блондинка, то, что называется,

belle femme, съ очень пріятнымъ, даже красивымъ лицомъ, кажется вамъ умнымъ, спокойнымъ, серьезнымъ человѣкомъ, на котораго вы вполне можете положиться и вѣрить прочности его взглядовъ и убѣжденій. Она пробыла два года за границей на акушерскихъ курсахъ, получила дипломъ, держитъ теперь экзаменъ на новыя права въ Россіи и, возвратившись въ свой скромный городокъ, предполагаетъ работать усердно для народа въ школѣ. Она и раньше была учительницей въ образцовой школѣ въ Одессѣ, но находитъ, что утомительная и однообразная профессія учительницы народной школы парализируетъ энергію и отнимаетъ возможность оживленныхъ занятій въ воскресенье.

Не такъ смотреть на вещи молоденькая, маленькая, некрасивая, но вся воспламененная любовью къ дѣлу, П. У нея есть своя небольшая частная школа, въ которой занимается она ежедневно; но это нисколько не мѣшаетъ ей бѣжать съ восторгомъ въ воскресную и оставаться тамъ 5 часовъ сряду. Нужно видѣть, съ какимъ восторгомъ говорить она о группѣ стариковъ-учениковъ, занимающихся съ ней, о томъ, какъ каждый изъ нихъ вначалѣ стыдился школы и говорилъ застѣнчиво, что пришелъ сюда не учиться, а такъ, посидѣть, поглядѣть, какъ учатся ребятишки, и какъ ей мало-по-малу удалось приручить ихъ и заставить полюбить ученье. Съ какой неизъяснимой радостью мечтаетъ она о томъ, что городъ обѣщалъ имъ дать 100 р.; эти 100 р. ей положительно кажутся 100.000 р., и она мечтаетъ обезпечить ими и школу, и народную библіотеку! Нужно видѣть, съ какимъ увлеченіемъ и огнемъ говорить она наивно: «Вы непременно должны дать мнѣ всѣ ваши дневники: вѣдь, всѣ воскресныя школы, гдѣ-бы ни были онѣ, вѣдь это одно общее дѣло, не правда-ли? Вѣдь, у всѣхъ у насъ одна и та-же цѣль, одни и тѣ-же желанія и стремленія!» А главное, сколько въ ней вѣры въ дѣло, сколько энтузіазма!.. И глядя на эти двѣ фигуры, вамъ невольно думается, какъ-бы не обмануть васъ этотъ серьезный, бывалый человѣкъ съ отѣнками скептицизма и утомленія, которые вы замѣчаете уже въ немъ. А этимъ сіяющимъ глазкамъ, смотрящимъ куда-то вдаль, этимъ восторженнымъ повышеніямъ и пониженіямъ голоса, говорящаго объ излюбленномъ дѣлѣ, этимъ свѣтлымъ мечтамъ, надеждамъ, планамъ вы беззавѣтно вѣрите, и вамъ кажется, что въ нихъ именно заключается сила жизни.

Изъ ученицъ моихъ вторично не было Анастасіи Ч. Пишу барынѣ ея слѣдующее письмо:

«Многоуважаемая N. N!

«Ради Бога, простите меня за то, что я такъ часто беспокою Васъ.

Вотъ въ чемъ дѣло: Ваша горничная пропустила два воскресенья. Такъ какъ Вы *сами* прислали ее въ школу, то, по всей вѣроятности, препятствія, по которымъ она не приходитъ въ школу, зависятъ отъ прислуги. Фактъ этотъ наблюдался мною весьма часто, даже и у насъ въ домѣ, гдѣ старые слуги ропщутъ, обыкновенно, на то, когда посылаешь въ школу младшихъ изъ нихъ. Если я угадала причину, — не распорядитесь-ли Вы, многоуважаемая Н. Н., чтобы причина эта была устранена и чтобы горничная Ваша не только посѣтила-бы въ будущее воскресенье школу, но и пришла-бы ко мнѣ на этой недѣлѣ, чтобы догнать то, что было пройдено безъ нея. Прийти она можетъ въ какой угодно день или между 10 и 2 час., или въ 6 час. вечера.

Исполненіемъ этой просьбы Вы очень, очень обяжете

«Искренно уважающую Васъ Х. А.».

Изъ ученицъ моихъ положительно отстаетъ отъ класса Аня К. Причина этого объяснена мнѣ Л. А. Б., за что я ей искренно благодарна. Я говорила уже раньше, что Аня, вслѣдствіе своего малолѣтства по сравненію съ другими, обречена мною на должность, такъ сказать, привратника. И каждый разъ, когда проходятъ черезъ залу, не прикрывая дверей, она обязана бросаться туда и затворять. Вотъ эта-то именно суетливая должность и внесла, очевидно, особенную разсѣянность въ голову и безъ того разсѣянной и веселой Ани. Причину эту, конечно, легко устранить, но я все-таки не могу не упрекнуть себя въ томъ, что замѣтила ее не я, опытная учительница, а моя молодая соучастница по группѣ.

Чувствуя, что она отстала отъ другихъ, Аня подошла ко мнѣ и сказала весело: «а нельзя къ вамъ когда-нибудь въ будни придти поучиться?»

— Какъ-же ты съ Сабуровой дачи придешь за 5 верстъ?—спросила я не безъ удивленія.

— Ничего, лишь-бы мамаша согласилась за ребятами посмотрѣть!—отвѣчала она, улыбаясь.

И мы сговорились, что она придетъ ко мнѣ во вторникъ, утромъ.

На третьемъ часѣ оказалось, что всѣ слова на пройденные нами звуки исчерпаны и у насъ остается нѣсколько лишняго, такъ сказать, времени. Вотъ почему, въ цѣляхъ каллиграфіи, я написала красиво на классной доскѣ знакомыя уже слова и просила ученицъ переписать ихъ на доски какъ можно тщательнѣе и красивѣе. Въ слѣдующее воскресенье я заготовлю даже для этого тетради и карандаши. Такимъ образомъ споръ о грифельныхъ доскахъ и тетрадяхъ будетъ нѣкоторымъ образомъ примиренъ.

Вторникъ, 4-го февраля 1892 г.

Происхожденіемъ своимъ наши кружковыя собранія обязаны инициативѣ сына моего Д. А., который доказывалъ какъ-то недавно на одномъ изъ нашихъ собраній, что мысль его не вполне правильно примѣняется на практикѣ, что кружковые доклады являются сухимъ перечнемъ того, что въ какой группѣ пройдено, и сообщаютъ статистическія свѣдѣнія вмѣсто жизненныхъ фактовъ. Онъ говорилъ также, что въ кружокъ учительница должна являться съ готовыми уже статистическими свѣдѣніями, занесенными въ тетрадку, и что дѣло кружка разсмотрѣть эти свѣдѣнія и отнестись къ нимъ критически. Вотъ почему, составивши свой отчетъ, я отправила его на разсмотрѣніе Д. А. и получила отъ него въ отвѣтъ слѣдующую записку:

3-го февраля 1892 г.

«Возвращаю при семъ прочтенный мною докладъ о кружковомъ собраніи. По моему мнѣнію, онъ очень интересенъ и хорошъ, хотя имѣетъ нѣкоторыя «но».

Самое важное—критическій элементъ—въ немъ имѣется, а потому онъ близокъ къ идеалу, какимъ онъ представляется мнѣ.

«Но» заключается въ томъ, что 1) весь кружокъ былъ, повидимому, подавленъ твоимъ авторитетомъ; 2) докладъ охватываетъ большой періодъ времени, а потому, что вполне естественно, онъ длиннѣе, чѣмъ требуется; 3) со многими твоими мнѣніями я не согласенъ, напр., о томъ, чтобы вмѣнять кому-либо въ обязанность руководить кружкомъ».

Записка эта была прочтена мною на собраніи тотчасъ послѣ отчета и съ самой большой тревогой ждала я отвѣта на вопросъ, дѣйствительно-ли авторитетъ мой подавлялъ въ кружкѣ моихъ сотоварищей. Я обратилась съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ, кто присутствовалъ на нашемъ кружковомъ засѣданіи, и, къ немалому моему горю, отвѣтъ ихъ совпалъ съ предположеніемъ Д. А.

— Въ чемъ-же именно, господа, состояло мое давленіе? Я такъ много обдумывала то, какимъ образомъ буду вести себя, чтобы не нарушать общей гармоніи, что никакъ не могу понять, какъ это случилось и въ чемъ состояло это давленіе?

— Въ томъ, —отвѣчала мнѣ П. И. М.,—что мы все время чувствовали и сознавали, что здѣсь между нами присутствуетъ Христина Даниловна.

И опять, оставшись одна послѣ собранія, я задала себѣ вопросъ, почему это такъ? И опять роковая разница лѣтъ показала мнѣ причиною. Я вполне вѣрю въ то, какъ ни стыдно мнѣ признаться въ этой вѣрѣ, граничащей съ самонадѣянностью, что многіе и мно-

гіе изъ моихъ сотоварищей относятся ко мнѣ съ расположеніемъ и симпатіей, но роковая разни́ца дѣтъ держитъ все-таки ихъ въ почти-тельномъ отъ меня отдаленіи и никакія старанія съ моей стороны не въ силахъ разрушить этой преграды.

Вспоминается мнѣ такой случай. Какъ-то одна очень молоденькая учительница, по внѣшнему виду совсѣмъ ребенокъ, пришла ко мнѣ по дѣлу во время моего послѣобѣденнаго отдыха. Ее просили въ спальню. Она сѣла нѣсколько поодаль отъ моей кровати, на стулъ за колонною, и начала излагать сущность обстоятельствъ общественнаго дѣла, которое интересовало меня. Были сумерки. Я молча слушала молодую учительницу и въ первый разъ удостовѣрилась, сколько преданности, любви, самоотверженія и серьезности таится въ душѣ этого ребенка къ общественному дѣлу, которому служить онъ. Дѣвушка говорила просто, откровенно, съ увлеченіемъ обо всемъ, что тревожитъ ее и радуетъ въ этомъ общественномъ предпріятіи, и мнѣ казалось, что по мѣрѣ того, какъ сумерки надвигались въ комнату, въ которой бесѣдовали мы, рѣчь ея становилась все свободнѣе, живѣе и одушевленнѣе. Мы разстались друзьями и съ тѣхъ поръ не разъ она повторяла такіа-же посѣщенія и такъ-же просто дѣлилась со мною своими тревогами, радостями и печальми. Но, когда я встрѣчалась затѣмъ съ нею на собраніи, она попрежнему держала себя поодаль, какъ чужая.

По второму пункту письма Д. А., касающемуся длинноты моего кружковаго доклада, учительницы не согласились съ нимъ и нашли, что стѣснять докладчика намѣченными рамками совсѣмъ не слѣдуетъ. Съ пунктомъ-же третьимъ, касательно того, чтобы вмѣнять кому-либо въ обязанность «руководить» кружкомъ, всѣ были солидарны съ мнѣніемъ Д. А., что подобнаго руководства совсѣмъ не требуется, хотя докладчикъ, естественно, вникаетъ детальнѣе другихъ въ общій ходъ дѣла.

Сейчасъ мнѣ подали слѣдующую записку:

«Многоуважаемая Христина Даниловна!

«Уже болѣе двухъ недѣль прошло съ тѣхъ поръ, какъ Анастасія Ч. уѣхала въ деревню къ своимъ роднымъ. Къ намъ она не возвратится, такъ какъ получила полный расчетъ. Простите великодушно, что причинила вамъ невольнo такъ много безпокойства и хлопотъ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенной преданностью остаюсь готовая къ услугамъ вашимъ».

4-го февраля 1892 г.

Тревожитъ меня очень слѣдующее обстоятельство: Анюта К. обѣщала придти ко мнѣ сегодня съ Сабуровой дачи, гдѣ живетъ она, и

что, если она рѣшитъ привести этотъ планъ въ исполненіе?! Гуляя рано утромъ и прислушиваясь къ завыванію метели, я съ ужасомъ думала: «что, если она идетъ теперь въ полѣ, среди сугробовъ снѣга въ своемъ ветхомъ, изношенномъ пальтишкѣ?!» И мнѣ представлялось уже ея окостенѣвшее тѣло и газетное извѣстіе о ней въ дневникѣ происшествій. Остается утѣшаться только мыслью, что родные не позволяютъ ей предпринять этотъ подвигъ. Что-же касается самой Анюты, то я увѣрена, что она не задумывалась рѣшиться на него. Что здѣсь особенно мучительно, такъ это то обстоятельство, что до воскресенья я не имѣю никакой возможности узнать о ней.

Среда, 5-го февраля 1892 г.

Сегодня, въ 10 ч. утра, пришла моя радость, Анюта. закутанная большимъ материнскимъ платкомъ и въ огромныхъ материнскихъ чоботахъ. Вчера, послѣ ссоры съ родными, она выступила-таки въ путь, но, дойдя до подороги, вернулась домой. «Такъ духъ и забивается», рассказывала она, «да и мамы стало жалко: будетъ хлопотать цѣлый день, не замерзла-ли я».

Я съ своей стороны тоже рассказала, какъ тревожилась вчера за нее.

Теперь сижу и занимаюсь съ нею. Сегодня сама мать отпустила ее и дала ей на завтракъ полъ-французской булки.

«Будь у насъ корова, какъ прежде», говорила мнѣ Анюта, рассказывая о своихъ домашнихъ дѣлахъ, «мнѣ-бы ни за что нельзя было придти до васъ учиться: утромъ мама доила ее, днемъ разносила молоко по господамъ, а я сама съ дѣтьми оставалась. А теперь, какъ продали съ нужды корову, мама все больше дома сидитъ; вотъ мнѣ и есть отъ кого пойти изъ дому.»

«Можетъ, къ вамъ можно каждый день ходить?» закончила она свою рѣчь неожиданно, взглянувъ на меня.

Я просто перепугалась подобной перспективы—ходить ежедневно ко мнѣ за 5 верстъ въ метель, выюгу, снѣгъ и невылазную грязь!—и посоветовала ей ограничиться однимъ днемъ въ недѣлю, кромѣ воскресенья.

— Какихъ-же лѣтъ твои другіе братья и сестры?—спросила я ее.

— Да я самая старшая въ семействѣ,—отвѣчала она:—сестрѣ 6-й годъ, тому брату, что побольше—пятый, а самому маленькому—третій годъ; тотъ больше всѣхъ за молокомъ скучаетъ, такъ что мама, какъ только собьется съ деньгами, покупаетъ даже ему по кувшинчику.

Мнѣ захотѣлось сказать Анютѣ что-нибудь пріятное.

— Вотъ, какъ научишься грамотѣ,—сказала я,—тогда научишь своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ.

— Ужъ мы и сами объ этомъ сколько разъ съ мамашей толковались,—отвѣчала она весело тономъ челоуѣка, имѣющаго въ виду заманчивую перспективу.

А между тѣмъ, снѣгъ опять началъ падать крупными хлопьями и опять я въ тревогѣ, благополучно-ли дойdetъ домой эта смѣлая и симпатичная дѣвочка.

Оказалось, что конка, довеза ея до конца Старо-Московской улицы, сократить ея путь почти на половину.

— На вотъ тебѣ пятачекъ,—сказала я,—и поѣзжай на конкѣ!

Она взяла пятачекъ, посмотрѣла на него, задумалась на минуту и сказала наивно: «Лучше я на него ленточку куплю; старая до того истрепалась, что въ школу совѣстно пойти».

Дѣлать нечего, пришлось подарить и ленточку, хотя я обыкновенно избѣгаю подарковъ, чтобы не развить попрошайничества; зато я взяла съ Аниуты слово, что она непремѣнно поѣдетъ полдороги по конкѣ.

Поврешилась мнѣ въ ней очень откровенность, съ которой заявила она мнѣ о своемъ легкомысленномъ, если хотите, намѣреніи купить ленточку: вѣдь, ничто не мѣшало ей въ сущности сдѣлать это потихоньку, не спрашиваясь у меня.

Въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ гр. Толстой говоритъ о томъ, что необходимо прислушиваться къ мнѣніямъ народа и дорожить этими мнѣніями. Мнѣ припомнился этотъ совѣтъ вотъ по какому случаю: моя старая горничная умѣетъ немножко читать и, кажется, не умѣетъ писать. Я говорю «кажется», такъ какъ она хронится со своими знаніями, и мнѣ никогда не удавалось услышать, какъ собственно читаетъ она. Конечно, я очень не прочь была-бы позаняться съ нею совмѣстно съ Машею, но она отказывается отъ этого изъ недоброжелательства къ ней и какъ-бы стыдится такой комбинаціи.

Нападая на недостатки азбуки Г., я не нашла въ ней никакихъ положительныхъ сторонъ, между тѣмъ, моя подозрительно-грамотная горничная нашла одну изъ нихъ, которой я не могу не признать вмѣстѣ съ нею.

Какъ-то, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, что съ нею бываетъ весьма рѣдко, она обратилась ко мнѣ и сказала: «Христина Даниловна, подарите мнѣ такую азбучку, по которой Мама учится».

— Съ удовольствіемъ! а на что она вамъ?—спросила я.

— Да мнѣ нравится, что на ней буквы такъ рѣдко стоятъ и такъ явственно,—отвѣчала она,—не то что въ другихъ азбукахъ: тамъ такъ часто, что ничего не разберешь, а тутъ еще картинки

путаютъ, одна на другой. А въ Машиной азбукѣ стоитъ печатная буква, а подъ нею писаная. Даже безъ учителя можно по ней учиться.

Я съ удовольствіемъ подарила ей азбуку Г. и мысленно поблагодарила ее за указаніе.

Суббота, 8-го февраля 1892 г.

П Л А Н Ѣ ЗАВТРАШНЯГО УРОКА.

1-й часъ. Просмотрѣть домашнія работы ученицъ. Если предыдущіе два звука усвоены,—показать на первомъ часѣ новый звукъ *г*, а на второмъ—*н* и *ю*.

3-й часъ. Ариметика.

4-й часъ. Чтеніе изъ сборника «Скромные подвиги» Немировича-Данченко.

Воскресенье, 9-го февраля 1892 г.

Въ моей школьной практикѣ я не разъ замѣчала преувеличенія въ поощреніяхъ ученицъ и развившуюся въ нихъ вслѣдствіе этого самонадѣянность. «Ахъ, какъ вы плохо написали!» говорила я какъ-то давно, просматривая домашнюю работу одной изъ такихъ ученицъ.

— Нѣтъ, ничего, хорошо!—самоувѣренно отвѣчала она,—даже моя квартирная хозяйка удивлялась и говорила: вотъ какъ ты хорошо научилась писать!

— А ваша хозяйка грамотная?—спросила я, рассматривая пропущенныя буквы и недоконченныя слова.

— Нѣтъ, неграмотная! только все-таки оно сейчасъ видно, кто какъ пишетъ,—отвѣчала, добродушно улыбаясь, Киценко.

Очевидно, въ данномъ случаѣ у меня былъ пересолъ, да и вообще я склонна къ пересоламъ. Но не лучше-ли они въ данномъ направленіи? невольно спросила я самое себя, поговоривши сегодня съ сосѣдкой Ольги Т.

— Что-жъ, вы не узнали, у какихъ господъ служить Ольга Т.—спросила я ее.

— Она уже отошла,—отвѣчала она,—и теперь опять дома.

— Почему-же она не ходитъ въ школу?

— Она говоритъ: все равно не выучусь,—ужъ я чувствую, что у меня никакого дарованія къ грамотѣ нѣтъ.

Вслушавши это, я вспомнила робкую и застѣнчивую Ольгу Т., первые шаги которой были, дѣйствительно, неудачны,—и мои прежніе пересолаы показались мнѣ вполне законными. Мнѣ стало до слезъ жаль этого невѣрящаго въ свои силы субъекта и я думала съ грустью: «И это случилось у меня, опытной учительницы! На чемъ-

же основана послѣ этого моя увѣренность въ умѣнѣе обойтись съ ученицей и ободрить ее?!»

Анюта К. послѣ визита ко мнѣ и четырехчасовыхъ занятій оказалась совершенно въ курсѣ класса, такъ что, по настоящему, ей незачѣмъ было приходить ко мнѣ во вторникъ договять товарищей; но она такъ умильно спросила о томъ, нельзя-ли все-таки придти ей ко мнѣ на домъ, что у меня не хватило духу отказать ей. Но кто привелъ меня въ это воскресенье въ совершенное отчаяніе, такъ это Лукерья В.: казалось, за эту недѣлю она перезабыла все, что знала прежде, и не могла ни прочесть, ни написать вмѣстѣ съ другими ни одного слова. Я даже спросила, здорова-ли она, на что она, улыбаясь своей глупой улыбкой, отвѣчала спокойно, что совершенно здорова. Эта улыбка и это спокойствіе какъ-то даже взорвали меня, и я начала раздражаться, но вдругъ почувствовала на себѣ удивленный взглядъ одной изъ наиболѣе развитыхъ ученицъ, которая, оторвавшись отъ доски, пристально взглянула на меня. Мнѣ стало ужасно стыдно и я дала себѣ слово слѣдить за собою въ этомъ направленіи и не позволять себѣ раздражаться, такъ какъ подобнаго рода раздражительность можетъ мало-по-малу принимать все болѣе рѣзкія формы, если не пресѣчь ее въ зародышѣ. Я освѣдомилась у Лукерьи В., не можетъ-ли она придти ко мнѣ на домъ; но увы!—это оказалось для нея невозможнымъ. Тогда я просила сосѣдку ея улучшить какъ-нибудь минуту, чтобы позаняться съ нею на недѣлѣ. Марѳа Т. страшно сконфузило такое порученіе и, вспыхнувъ до ушей, она проговорила тихо: «да вѣдь я сама почти ничего не знаю!» И опять мнѣ показались необходимыми поощрительныя мѣры по отношенію къ этимъ робкимъ и неувѣреннымъ людямъ.

Но, какъ-бы ни было мнѣ грустно, мнѣ стоитъ взглянуть только на полное жизненныхъ силъ лицо дворничихи, чтобы развеселиться. Сегодня она быстро и вся запыхавшись влетѣла въ залу и объявила, что еле вырвалась изъ дому. «Ну просто какъ нарочно тебѣ все въ одно утро собралось,—говорила она:—корову изъ деревни привели, барышню съ дачи привезли и барина схватило: заболѣлъ чѣмъ-то, Богъ знаетъ чѣмъ. Не свяжи я своей книжечки и досечки съ вечера въ платочекъ, непременно запоздала-бы, а то выскочила, вижу—Маша идетъ издали, я за нею вдогонку, насилиу нагнала». И рассказывая все это, она отирала потъ платкомъ съ своего покрытаго красными пятнами лица. «Ужъ теперь нечего и думать при коровѣ по буднямъ ходить,—продолжала она болѣе грустнымъ тономъ:—за эту недѣлю хоть-бы полчаса тебѣ выдалось, чтобы присѣсть поучиться! Хорошо еще, если въ головѣ осталось отъ прошлаго воскресенья!» Къ счастью, оказалось, что хорошая память дворничихи не

измѣнила ей и она не хуже другихъ выводила на доскѣ слова, пройденныя въ прошлое воскресенье.

На одномъ изъ нашихъ уроковъ присутствовалъ посторонній зритель-священникъ, прибывшій изъ Кременчуга съ цѣлью посмотрѣть нашу школу. Вѣроятно, молоденькая учительница, побывавшая у насъ, не пожалѣла красокъ для описанія и тѣмъ самымъ подвигла этого добродушнаго человѣка проѣздить въ Харьковъ. Его толстое красное лицо положительно сіяло умиленіемъ, въ какую сторону ни посмотрѣлъ-бы онъ. Когда онъ пришелъ къ намъ въ залу, я подала ему учтиво стулъ, прося садиться, а затѣмъ, обращаясь къ ученицамъ, сказала: «Встаньте, г-да, и низко поклонитесь батюшкѣ: онъ устроилъ въ Кременчугѣ такую-же школу, какъ наша, и такъ-же работаетъ и трудится въ ней безкорыстно, какъ и мы здѣсь». Ученицы встали и поклонились ему, и онъ какъ-то растерянно и сконфуженно тоже всталъ и, добродушно улыбаясь, раскланивался на всѣ стороны.

На четвертый часъ законоучителя не было, а на очереди у меня стояло чтеніе «Дѣдушкины пѣсни» изъ сборника стихотвореній Плещеева. Сборникъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ стихотвореній: «Весна», «Птичка», «Ожиданія», «Бабушка и Внучекъ», «Весна», «Напрасно, птички», «Несчастье», «Капля дождевая», «Передъ ветхой избенкой», «Тучи», «Мой садикъ», «Завтра», «Нищіе», «Цептокъ», «Въ бурю», «Дѣти и птичка», «Зимній вечеръ», «Ребенку», «Дѣтство», «Легенда».

Трудно себѣ представить сборникъ, болѣе соответствующій дѣтскому и юношескому возрасту: здѣсь не только все дышетъ поэзіей, но и полно чистыхъ мыслей и чистыхъ стремленій. Какъ-то особенно весело и отрадно перечитывать подобную книжку передъ аудиторіей наивныхъ слушателей, внимательно и жадно ловящихъ каждое ваше слово. И дѣйствительно, учительница читала стихи съ большимъ одушевленіемъ; особенно удалась ей декламація любимыхъ стихотвореній: «Бабушка и внучекъ», «Капля дождевая», «Зимній вечеръ», «Птичка», и др. Въ то время какъ она читала съ пафосомъ:

«Въ ней повѣдаю я много
«Про иной, чудесный свѣтъ,
«Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
«Ни нужды, ни горя нѣтъ...

послышались всхлипыванія пожилой одинокой женщины-прачки, занесенной судьбою изъ Польши въ чужой ей край и чувствующей себя здѣсь какъ-то особенно одинокой. Эти слезы и разъясненіе, почему именно плачетъ она, произвели, очевидно, на всѣхъ такое впечатлѣніе, что, когда мы кончили читать и я спросила, кому какіе стихи

больше нравятся, всё взрослые, безъ исключенія, отвѣчали: «Птичка»; дѣтямъ-же больше всего понравилось «Бабушка и внучекъ» и они усиленно просили дать имъ сборникъ домой, чтобы заучить на память это стихотвореніе.

Въ то время, какъ я уговаривала дѣтей не толпиться впередъ и не роптать, что въ первую очередь не всёмо можетъ быть роздана книжка, имѣющаяся у меня въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, я замѣтила добродушнаго батюшку, который сѣлся въ толпѣ протиснуться ко мнѣ. Во все время чтенія я видѣла, впрочемъ, издали это красное сіяющее лицо, которое въ значительной степени воодушевляло меня. Я велѣла дѣтямъ разступиться, а онъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ тихимъ, прочувствованнымъ голосомъ: «Вѣроятно, у васъ собственныя дѣтки есть, что вы усвоили себѣ такое ласковое, истинно материнское обращеніе съ ними?»

Я рассказала ему и о дѣтяхъ своихъ, и о внукахъ, и о маленькихъ ученикахъ семейной школы, но не призналась только въ одномъ, что эти обездоленные, оборванные дѣтки гораздо милѣ мнѣ тѣхъ нарядныхъ, счастливыхъ дѣтей и кажутся мнѣ болѣе непосредственными и симпатичными.

— У меня и еще есть къ вамъ дѣльце, собственно вопросикъ одинъ,—продолжалъ батюшка, вытаскивая изъ кармана листъ сѣрой бумаги съ перечнемъ названій книгъ, написаннымъ мелкимъ почеркомъ.—Мы вотъ долго по вашей книгѣ справлялись—«Что читать народу», какія собственно произведенія слѣдуетъ нашимъ школьникамъ читать, и составили этотъ списокъ. Я и деньжонокъ съ собою соотвѣтствующее количество захватилъ; не знаю только, гдѣ у васъ книжные магазины въ Харьковѣ и отперты-ли они по воскресеньямъ? А до завтра мнѣ невозможно оставаться: ѣхать надо.

Я взяла въ руки объемистый списокъ, на которомъ такъ и сіяли названія рассказовъ, неодобренныхъ каталогомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ того, я узнала навѣрное, что всё книжные магазины заперты. Что тутъ дѣлать? Я посмотрѣла на итогъ этого огромнаго списка книгъ со тщательно проставленными цѣнами и прочла подъ чертой: «всего на сумму 6 руб. 94 коп.».

— Вотъ что,—сказала я добродушному священнику:—позвольте мнѣ сдѣлать маленькое приношеніе для вашей кременчугской школы а именно: купить завтра книги и выслать вамъ почтою?

Батюшка не сразу понялъ мое предложеніе; онъ опять полѣзъ въ свой глубокій карманъ, вытащилъ оттуда большой кожаный кошель и сталъ, было, отсчитывать 6 руб. 94 коп. И когда я пояснила свое предложеніе, онъ умилился чуть не до слезъ этой неожиданностью.

Но вотъ вопросъ, что дѣлать мнѣ теперь съ этимъ спискомъ? Съ

одной стороны, такъ привлекательно снабдить захолустье порядочными книгами, не вошедшими въ каталогъ, и, благодаря наивному невѣдѣнію руководителей, распространить ихъ въ народѣ, а съ другой стороны, имѣешь-ли ты нравственное право рисковать благоденствіемъ полезнаго учрежденія, созданнаго этими добродушными людьми? Ужасно трудно мнѣ бываетъ разобраться въ этихъ вопросахъ. Вотъ почему я чрезвычайно люблю обращаться въ подобныхъ случаяхъ къ человѣку, въ которомъ въ данный моментъ воплощается для меня разумъ и совѣсть. Человѣкъ этотъ рѣшилъ, что необходимо беречь учрежденіе, и потому высылаю изданія, вошедшія въ каталогъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и одобренныя книгою «Что читать народу».

Когда нашъ кременчугскій гость уходилъ изъ школы, ему предложили книгу, въ которую у насъ постороннія лица записываютъ свои наблюденія. Вотъ, что написалъ въ ней добродушный пастырь:

«9-го февраля съ великимъ удовольствіемъ былъ я на урокахъ въ школѣ. Безкорыстное и усердное отношеніе всѣхъ тружениковъ къ дѣлу выше всякаго описанія. Сердечную благодарность приношу Христинѣ Даниловнѣ за то сочувствіе, какое я нашелъ къ воскресной школѣ въ Кременчугѣ. А. К.».

Суббота, 15-го февраля 1892 г.

Все это время я собиралась посѣтить народную читальню, но никакъ не могла урвать для этого свободной минуты, несмотря на то, что къ дѣлу этому лежали всѣ мои симпатіи и что я считала себя съ нимъ въ нравственномъ родствѣ. Въ родствѣ-же съ нимъ я считала себя вотъ почему. Въ прошломъ году, въ собраніи Общества грамотности былъ возбужденъ вопросъ о необходимости издавать книги для народа. Вполнѣ сочувствуя этому, я, тѣмъ не менѣе, возвысила свой голосъ и сказала, что прежде, чѣмъ издавать новыя книги, необходимо доставить народу возможность читать тѣ, которыя существуютъ уже. Вотъ почему, если приходится выбирать одно изъ двухъ почтенныхъ дѣлъ, то, на мой взглядъ, читальня громче вопіетъ о своемъ скорѣйшемъ осуществленіи. Мысль эта была встрѣчена сочувственно и занесена въ протоколъ. Я предложила также назвать это новое учрежденіе «Первой народной читальней въ Харьковѣ» и пожертвовала на нее первую сотню рублей. Но когда дѣло дошло до практическаго осуществленія, я, по обыкновенію, совершенно устранилась отъ него, согласно принятому мною правилу не разбрасываться, и его осуществили люди, которые раньше, чѣмъ я, задумали его и относились къ нему съ бѣльшей горячностью, съ бѣльшимъ энтузіазмомъ. Я ограничилась только посѣщеніемъ двухъ собраній, а сегодня, наконецъ, удосужилась побывать и въ самой читальнѣ.